

Живая история

Д. В. Ненюков

—♦—
**От Мировой
до Гражданской
войны**

—•—
Воспоминания
1914—1920
—•—

Живая история (Кучково поле)

Дмитрий Ненюков

**От Мировой до Гражданской
войны. Воспоминания. 1914–1920**

Издательство «Кучково поле»

2014

УДК 93
ББК 63.3(0)53

Ненюков Д. В.

От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания. 1914–1920 /
Д. В. Ненюков — Издательство «Кучково поле», 2014 — (Живая
история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0378-6

Дмитрий Всеволодович Ненюков (1869–1929) – один из видных представителей российской военной элиты, участник Русско-японской войны, представитель военно-морского флота в Ставке в начале Первой мировой войны, затем командующий Дунайской флотилией и уже в годы Гражданской войны командующий Черноморским флотом. Воспоминания начинаются с описания первых дней войны и прибытия автора в Ставку Верховного главнокомандующего и заканчиваются его отставкой из Добровольческой армии и эмиграцией в 1920 году. Свидетельства человека, находившегося в гуще событий во время драматического исторического периода, – неоценимый исторический источник периода Первой мировой войны и революции.

УДК 93
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9950-0378-6

© Ненюков Д. В., 2014
© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

Дмитрий Всеволодович Ненюков – моряк и мемуарист	6
Предисловие	13
Часть I	14
Перед войной и начало войны (1914 год)	14
После объявления войны	20
Ставка	25
Первые дни в Ставке	26
Галицийская операция	29
Учреждение речных флотилий	31
Выступление Турции	33
Посещение государем Ставки	38
Первые военные действия немцев в Балтийском море	39
Вторичное наступление в Восточную Пруссию	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Ненюков

От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания. 1914–1920

Публикуется впервые по рукописи из фондов Государственного архива РФ.

Публикуется по рукописям: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 530. Л. 1–23; Д. 531. Л. 1–82; Д. 532. Л. 1–113; Д. 533. Л. 1–110; Д. 534. Л. 1–90; Д. 535. Л. 1–169; Д. 536. Л. 1–158.

© Государственный архив РФ, 2014

© Посадский А. В., вступ. ст., примеч., 2014

© ООО «Кучково поле», 2014

Дмитрий Всеволодович Ненюков – моряк и мемуарист

Мемуарный массив, касающийся последних лет существования Российской империи, Великой и Гражданской войн, громаден. Только рукописи, ждущие своего часа в архивах – в Государственном архиве РФ, в Гуверовском архиве Стэнфордского университета в США и других, – это многие сотни текстов. Одна из таких рукописей – воспоминания Д. В. Ненюкова, русского адмирала, участника Белого движения. Она датирована 1925 годом. Ненюков стал одним из многих русских эмигрантов, кто готов был передать, за умеренную плату, свои воспоминания в Русский заграничный архив в Праге. Перемещение этого архива в 1945 году в СССР обусловило дальнейшее пребывание рукописи в ЦГАОР (ныне ГАРФ).

Автор сам пишет о времени создания мемуаров. По его объясняющей записке, большая часть текста родилась в конце 1917 – начале 1918 года, во время вынужденного досуга в Измаиле, когда адмирал жил в сравнительно спокойной обстановке на положении частного лица. Ненюков не обладал выдающимися литературными способностями. Его текст вполне внятен, но в нем нередки повторы и стилистические шероховатости. В то же время отсутствие предвзятости делает повествование спокойным и взвешенным. Следует полагать, что мнения автора лишены эмоционально окрашенного субъективизма.

Показательна следующая деталь. Многие мемуаристы зарубежья писали, исходя из представлений о гибели при большевиках всех архивов, исходя из необходимости живым носителям славы Русской армии оставить максимально подробное свидетельство о ней, вспомнить как можно больше имен, событий, подробностей. В воспоминаниях Ненюкова этого мотива, благородного, но несколько надрывного, не ощущается. Он не ставит перед собой задачу подведения итогов, совершенно не касается детства и службы – весьма продолжительной и с Порт-Артуром! – до войны. Весь его пафос направлен в сторону интеллигенции, которой необходимо перемениться, чтобы вновь стать ведущей силой в России. Этим мотивом и завершаются воспоминания. Духовный настрой самого автора хорошо иллюстрирует фраза о том, что память об адмирале Эссене будет жить до тех пор, «пока будет существовать русский флот, т. е. Россия». Флот и Россия для адмирала неразделимы.

Биография Д. В. Ненюкова – это биография офицера своего поколения. Вот ее основные вехи.

Дмитрий Всеволодович Ненюков, уроженец Тамбовской губернии, родился 18 января 1869 года, а скончался в изгнании, в югославском Земуне, в 1929-м.

Пик его служебной карьеры – командование Черноморским флотом Вооруженных сил Юга России в период Гражданской войны. Читатель найдет в тексте горькие размышления по этому поводу. Сбылась мичманская мечта – командующий флотом! Однако это не радует в трагической обстановке междоусобицы.

Д. В. Ненюков – выпускник Морского корпуса 1889 года. Это было время руководства Морским училищем (с 1891 года – вновь Морской кадетский корпус) вице-адмиралом Д. С. Арсеньевым (занимал должность директора в 1882–1896 гг.). Служба в обер-офицерских чинах увенчалась участием в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Д. В. Ненюков служил на броненосце «Цесаревич» артиллерийским офицером, участвовал в обороне Порт-Артура и в бою в Желтом море. Получил легкое ранение.

В 1906 году он – старший офицер канонерской лодки «Храбрый». В 1906–1907 гг. – командир миноносца «Громящий». В 1908–1909 гг. прошел курс в военно-морском отделении Николаевской академии Генерального штаба; в 1908–1909 гг. – командир транспорта «Рига»; в 1910–1911 гг. – штаб-офицер новосозданного Морского генерального штаба; в 1911–1912 гг. – командир линейного корабля «Пантелеймон». 4 сентября 1913 года назначен членом

от Морского министерства в состав Добровольного флота, а в ноябре того же года назначен помощником начальника Морского генерального штаба по судостроению.

Таким образом, к началу войны Д. В. Ненюков обладал уже военным опытом, был генштабистом, имел опыт взаимодействия с гражданскими учреждениями – Доброфлотом, большой опыт командования судами различных классов. С началом войны ему предложено стать начальником вновь учрежденного Морского управления при Ставке Верховного главнокомандующего. 25 июля 1914 года он принял указанную должность. В начале 1916 года командовал отрядом судов в устье Дуная. 6 декабря 1916 года произведен в вице-адмиралы.

После крушения императорской России Дмитрий Всеволодович оказывается на белой службе, причем в довольно нетрадиционном варианте. В 1917–1918 гг. он возглавляет нелегальный или полулегальный Одесский центр Добровольческой армии. При занятии французами Одессы стал начальником управления военно-морской базы. 20 августа 1919 года назначен командующим Черноморским флотом ВСЮР. 8 февраля 1920 года, вместе с начальником штаба флота контр-адмиралом А. Д. Бубновым, уволен генералом А. И. Деникиным от службы за поддержку генерала П. Н. Врангеля.

В марте 1920 года вернулся в Севастополь, участвовал в восстановлении флота. С 28 апреля 1920 года вновь стал командующим Черноморским флотом. Организовал успешную эвакуацию белой армии из Крыма 15–18 ноября 1920 года. В ее составе покинул Россию, позже эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 года – Королевство Югославия). Проживал в Земуне (пригород Белграда) до своей смерти в 1929 году. Георгиевский кавалер, отмечен как российскими, так и иностранными орденами.¹

Д. В. Ненюков сам делит свою службу с начала Великой войны на четыре периода: Ставка, Дунай, Одесса и Севастополь. Они, действительно, весьма различны и по обстановке, и по тем ролям, которые приходится исполнять автору.

В Ставке он начальник Морского управления, что обеспечивает ему хорошую осведомленность о делах на фронте и в тылу и доставляет знакомство, служебные и внеслужебные контакты со множеством известных персон, начиная с государя.

Жизнь в Ставке описана многими мемуаристами. В советской традиции в активном обороте была тенденциозная книга М. К. Лемке,² оставил свои воспоминания сослуживец Ненюкова адмирал А. Д. Бубнов.³ Служба в Ставке изложена Ненюковым наиболее последовательно. Эта часть написана рукой генштабиста: хронологически выстроенные обзоры событий на море дополняются очерками борьбы на сухопутном фронте, на других морях. В то же время автор дарит интересные подробности бытового устройства офицеров Ставки как в Барановичах, так и в Могилеве. Он подчеркивает разницу в жизни на станции, вдали от населенных пунктов, и в губернском, хотя и небольшом, Могилеве. Ненюков без страстного осуждения, но с неприятием пишет об отвлекавших офицеров от службы соблазнах и возможностях. Любопытны и показательны характеристики великих князей: милые приветливые люди, но как будто из другого мира. Очевидно, эти «разные миры», в которых жили разные группы населения империи, стали одной из глубинных предпосылок такого быстрого и страшного крушения. Это чувствовали очень многие, на разных этажах социальной лестницы.

Автор характеризует настроения Ставки, и в перепадах этих настроений нельзя не заметить известной легкомысленности. Очень выразительна следующая фраза: «В Ставке также повеселели и снова начали поговаривать о скором окончании войны, тем более что уже в это

¹ Св. Станислава 3-й степени (06.12.1896), Св. Анны 3-й степени (06.12.1903), Св. Георгия 4-й степени (07.08.1906), Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (02.04.1907), Св. Владимира 3-й степени (1914), Св. Станислава 1-й степени (1915), Св. Анны 1-й степени (06.12.1915); иностранные награды: Почетного Легиона командорский крест (1914), Бухарский Золотой Звезды 1-й степени (1916), Английский Бани 3-й степени (1916).

² Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916). Пг., 1920; переизд.: Мн., 2003.

³ Бубнов А. Д. В царской ставке: Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955.

время выяснился огромный расход снарядов в минувшие бои».⁴ Время – октябрь 1914 года, русские войска вновь вошли в Восточную Пруссию. И логика, нельзя не признать, весьма неза-тейливая: раз снаряды вышли, так и войне конец. Впереди был 1915 год, год «великого отступ-ления». Д. В. Ненюков в целом произносит весьма суровый приговор организации войны с русской стороны, и в этом он солидарен со многими участниками и наблюдателями событий. Вот его резюме: «Сейчас еще не наступило время давать характеристики главных лиц, но все же не могу удержаться, чтобы не высказать общего впечатления. Ставка, представлявшая мозг армии, где должны были быть собраны наиболее способные люди из всей армии, далеко не удовлетворяла этим требованиям. В ней было много очень милых и симпатичных людей, но, к сожалению, и только. Талантами она не блистала. Общее впечатление было серой буднич-ной посредственностью. Наиболее яркими фигурами были генерал-квартирмейстер Данилов и полковник Генерального штаба Свечин, первый по своему твердому характеру и логическому мышлению, а второй был несомненно талантлив. Между тем Ставке предстояла серьезнейшая и ответственная задача. Нужно было собирать опыт войны, обрабатывать его и на основании сделанных выводов уже во время самой войны реорганизовывать и перевоспитывать армию, закованную в старые традиции. Эта задача оказалась не по силам нашей Ставке. Мозг армии не справился со своей задачей».⁵

Автор неоднократно пишет об удивительной осведомленности немцев. Это штрих к боль-шой теме «немецкого засилья», которую активно развивали русские правые в начале XX сто-летия. Действительно, исторически значительное присутствие в русском служилом классе и коммерческом секторе немцев увеличивалось переселенцами, в том числе не принимавшими подданства. Горячая тема шпионажа, вспыхнувшая с началом войны, не может быть полностью отнесена на счет националистической истерии и предубеждений. Ненюков констатирует как самоочевидную вещь, что тайн от немецкого командования у русской стороны практически не было.

Изложение мемуариста позволяет добавить весомое мнение по ряду вопросов военно-морской стратегии и тактики в годы Великой войны. В частности, о борьбе с линейным крей-сером «Гёбен» в Черном море и оценке ее итогов, об изобретательной минной войне в Балтий-ском море, о решениях британского и германского военно-морского командования. Изложе-ние автора позволяет увидеть глазами моряка-профессионала, какой мощный и в то же время хрупкий инструмент – дорогой современный флот. Свои флоты берегли основные противники – Британия и Германия, категорически не желали рисковать крупными кораблями и в России. Вступление в строй русских дредноутов на Балтике и в Черном море не привело к стратеги-ческой активизации. Адмиралы всех стран боялись решительных столкновений главных сил из-за опасности потери дорогостоящих мощных кораблей. Кроме того, бытовало убеждение, что с появлением дредноутов прежние линейные корабли теряют значение. Эти соображения окрашивали собой и принятие стратегических решений, и тактику действий. Автор признает слабое развитие в России до войны подводного флота, с чем откровенно запоздали. Действи-тельно, союзные британские подлодки в Балтийском море действовали гораздо эффективнее русских. В воспоминаниях всплывают неординарные и редкие сюжеты. Например, значитель-ная роль нейтральной Швеции в снабжении Германии рудой, – морские караваны трудно было перехватывать из-за возможности дипломатических осложнений. Значимы профессиональные оценки адмирала как своих, так и неприятельских моряков, например, в области пользования дальномерами и точности стрельбы.

Не раз возникает в тексте имя А. В. Колчака. Характеристики Д. В. Ненюкова вполне соответствуют многим другим мнениям о характере будущего Верховного правителя России.

---

⁴ См. настоящее изд., с. 63

⁵ См. настоящее изд., с. 41.

Колчак порывист, инициативен, дисциплинарно строг. Его назначение командующим Черноморским флотом, как и назначение столь же молодого для такой должности А. И. Непенина на Балтийский флот, знаменовало собою как признание заслуг, так и более «молодую» стилистику в боевой работе. Увы, развернуться в полную силу таковой уже не было суждено. Ненюков упоминает и характеризует также и других адмиралов, известных по Великой и Гражданской войнам. Это А. А. Эбергард, М. К. Бахирев, В. А. Канин, М. И. Каськов, В. Н. Шрамченко и др.

Если Балтийский флот занимал в войне заведомо оборонительную позицию, то перед Черноморским маячило большое свершение – Проливы, Константинополь. Ненюков интересно и подробно описывает русские морские операции около Босфора, планы десанта, характеризует провальную Дарданелльскую операцию англичан. В Черном море очевидной опасностью для русского флота был германский «Гёбен». Борьба с быстроходным «германцем» окрасила собою все кампании на Черном море. Автор показывает, как боевая обстановка, при первой встрече с тем же «Гёбеном», заставляла ломать и изменять установления мирных времен. Мнение адмирала о стратегических решениях на Черном море, боевых возможностях русского, союзных и неприятельского флотов добавляет возможностей для обсуждения вопроса о «проливах» и русской стратегии в 1914–1917 гг. в целом. Интересно сопоставить его выводы и наблюдения с рассуждениями А. Д. Бубнова. Последний весьма жестко оценивает стратегические решения русского командования, критикует соображение: «Ключи от проливов лежат в Берлине», указывая, что эти «ключи» следовало искать в Лондоне. Дмитрий Всеволодович не дает чеканно сформулированных оценок – перед нами мемуары, а не военно-стратегический очерк, – но также предоставляет материал для критики русской способности к крупным решениям на Черноморском театре.

На Дунае адмиралу достается уже самостоятельная роль строевого начальника с необходимостью координировать действия как речных, морских и сухопутных сил, причем на «международном» Дунае, так и вступать во взаимоотношения с союзниками-румынами. Здесь застаёт его и революция. Румынский фронт держался, во всеобщем развале, дольше остальных. Ненюков показывает, и в военном, и в житейском горизонтах, состояние наиболее экзотического участка этого фронта.

Едва ли не все мемуаристы зарубежья задавались вопросом о природе столь страшного и быстрого крушения Российского государства и армии. На эту тему размышляет и Д. В. Ненюков. Он описывает интересный сюжет с лубенскими гусарами: полк был «румынизирован» и оказался на румынской службе, при этом большинство офицеров на румынскую службу не пошло, жило частным порядком, не удаляясь от полка, носило полковую форму. На предложение поступить в Добровольческую армию эти офицеры отвечали, – что вот если бы с полком! – а без полка мирное существование в условиях разворачивавшейся гражданской войны не казалось им предосудительным. Ненюков разумно замечает, что существовал полковой патриотизм, подобный губернскому патриотизму у мужиков. Данное замечание выводит на большую тему складывания русской нации, русского национального чувства, русских мотиваций в Великой войне. Можно вспомнить рассуждения на эту тему такого военного авторитета, как генерал Н. Н. Головин.

Дальнейшее пребывание автора в Одессе, при меняющихся властях, демонстрирует как быстрый выбор добровольческой ориентации, не самый очевидный для Одессы, так и умение работать в режиме полуподполья, выбирать нужное окружение и наладить с нуля большое дело. Центры Добровольческой армии были своеобразной формой, рожденной жизнью. На неконтролируемых армией небольшевицких территориях они играли роль вербовочных бюро, агитационных и разведывательных подразделений. Об активном Харьковском центре есть воспоминания Б. Штейфона и ротмистра Двигубского, а о работе Одесского наиболее последовательное изложение обнаруживается именно у Ненюкова.

Автор принадлежит к поколению, чья служебная карьера в основном сложилась в императорской России. Тем более интересно, что он, в отличие от многих своих сверстников, смог изобретательно и активно действовать в обстановке революции и гражданской войны. Он отбросил прежние субординационные отношения, «бумагу», мертвившую всякое дело в калейдоскопически менявшихся условиях. В этом Ненюков сродни военной молодежи, выдвинувшейся в годы междоусобицы и часто третировавшей «стариков» за абсолютную непригодность. Ненюков как раз из тех старших офицеров, которые смогли работать в условиях новой войны. В то же время автор демонстрирует умение подчиняться и соблюдать дисциплину, отсутствие того авантюризма, который был характерен для некоторых молодых героев Белого движения.

Адмирал, в обстоятельствах самых драматичных, привычно щепетил в обязательствах. Показательна такая частность. Некая дама вручила ему ящик с обмундированием – великая ценность! – для сына-офицера. Оказия долго не подворачивалась, ящик совершил с вещами адмирала неоднократные перемещения в стесненных условиях, но брошен не был. Наградой Ненюкову стал непритворный восторг молодого офицера, извлекшего из упаковки хорошие сапоги.

Часть воспоминаний, связанная со службой в Добровольческой армии, более лично окрашена и менее строго структурирована. Здесь больше размышлений. В то же время и сама служба Ненюкова в этот период носила совершенно иной характер.

Имея широкий круг служебных и личных контактов, Ненюков добавляет интересные черточки к характеристике тех или иных известных персон. Так, он передает свой разговор в Крыму с недавним командующим Добровольческой армией генералом В. З. Май-Маевским и его оценкой причин поражения белого натиска на Москву. Обладавший опытом своего рода «подпольной дипломатии», Ненюков скептически оценивает дипломатические способности А. И. Деникина, называет его излишне прямолинейным человеком, который готов был воевать со всеми. Эта оценка также попадает в обширный контекст, который начал ткаться еще публичной полемикой Деникина и Врангеля. Много упреков Деникину высказывали и казаки. В конце 1930-х годов публичные выступления бывшего главнокомандующего ВСЮР вызвали новые отклики с отсылкой к ошибкам периода 1919–1920 гг. Так что мнение мемуариста добавляет в палитру мнений свою краску.

Два известных офицера с устойчивой репутацией «авантюристов» – А. Н. Гришин-Алмазов и Я. А. Слащов – вызывают у автора итоговую положительную оценку, хотя по складу характера вряд ли эти люди были ему близки. В противоположность этой симпатии, автор сдержанно, но отрицательно оценивает кадетов из окружения Деникина, – Астрова, Федорова, – тех, кто не желал соответствовать обстановке и создавал управленчески и политически неадекватную систему руководства.

Ненюков дает характеристики и тем коллегам-адмиралам, которые оказались в орбите Белого движения. Это, прежде всего, М. П. Саблин и В. А. Канин, а также А. Д. Бубнов.

Автор весьма сдержанно характеризует адмирала Бубнова как талантливого офицера, о назначении своим начальником штаба которого он, однако, пожалел. За этой сдержанностью можно предполагать серьезные эмоции и какое-то значительное несовпадение, личностное, или в понимании служебного долга. Оба – участники Русско-японской войны, оба ранены. Оба адмирала были сослуживцами по Ставке, деятельность которой оценили весьма критично. Оба адмирала оказались уволены рукой А. И. Деникина весной 1920 года. Ненюков по этому поводу пишет, что на месте Деникина, имея ту информацию, которой располагал главком, поступил бы так же. Он вернется из Константинополя и продолжит служить в Русской армии, приняв должность командующего Черноморским флотом, который в кампанию 1920 года был весьма активен и вынес осенью знаменитую эвакуацию. Бубнов останется в эмиграции и обретет там имя военного писателя и военно-морского теоретика. Ему будет суждена долгая жизнь, сравнительно благополучно оконченная уже в социалистической Югославии. Можно пожалеть о

том, что Дмитрий Всеволодович не развернул сюжет своих взаимоотношений с ярким сослуживцем и коллегой.

Адмирал подробно рассказывает и о судьбоносном моменте Белого движения на Юге – принятии решения об обороне корпусом генерала Я. А. Слащева Крыма, при несогласии или неосведомленности старших начальников. Как видно из текста, роль самого Ненюкова в этом решении весьма значительна. Этот сюжет попадает в напряженный контекст выбора путей отхода и подготовки контрнаступления в феврале 1920 года. В частности, обсуждался вопрос о причинах отступления на Одессу под давлением англичан, что вызвало крайне непроизводительный расход сил. Ненюков, как участник принятия важных решений, добавляет интересных сведений по столь важному вопросу.

Любопытно свидетельство о деятельности Освага, пере данное начальником агитпоезда Добровольческой армии – инициативным офицером, помощником Ненюкова по одесской эпопее. Деятельность агитпоезда была вполне успешной, и народ собирался, и в диспутах агитаторы научились одерживать верх над большевистски настроенными мужиками. И начальник – активный, смелый и изобретательный. И при всем том – полнейшая безнадежность. Вся агитация не отходила от железных дорог, огромные пространства лежали втуне, и практический результат даже от вполне динамичной и успешной работы оказывался нулевым. Этот эпизод добавляет пищу для размышлений о проблеме коммуникации, о «слышимости» между властью и народом на разных сторонах Гражданской войны.

Еще один сюжет, не раз повторенный как в белой, так и в красной мемуарной литературе, – это возвращение русских пленных. Ненюков видит этот процесс с технической точки зрения. Союзники стараются с наименьшими издержками свалить, «скачать с рук» эти толпы людей, белые рассчитывают пополнить ими части, красные – использовать как ресурс разложения вражеского тыла, сами пленные в большинстве аполитичны и желают скорее попасть домой и не опоздать к дележке земли... Тысячи людей, прибывающие вне всяких графиков, необходимо размещать, кормить, при самых скудных возможностях разоренного Севастопольского порта.

Мемуарист имел возможность видеть и описать, как развал и революционная блажь, вкупе с поспешным хищничеством недавних врагов и союзников, способны погубить плоды долгих целенаправленных усилий по созданию и укреплению флота. Оказавшись командующим несуществующим, по сути, белым Черноморским флотом, адмирал ощутил это в полной мере.

Ненюков много и горько пишет о русской интеллигенции, понимая под этим словом весь образованный класс. В этом он никак не одинок. Адмирал не раз упоминает о «безлюдье», приводит примеры офицеров, которые – будь таких хоть несколько сотен – могли бы вытянуть до победы борьбу с красными. Однако людей не было. Это очень характерный мотив, проходящий едва ли не через весь XIX век. «Некем взять», «нет людей», слабые «культурные силы» – мотивы, которые звучали из уст и царей, и прогрессистов в самых разных контекстах. Литература выстроила внушительную галерею «лишних людей». Мощно росшая страна не находила способов органично соединить верхи и низы. Большевики разнуздали все стихии, – и люди нашлись! Об этой проблеме не раз упоминает автор. Адмирал многократно пишет о болезнях русской интеллигенции, говорит о ее безволии и неврастении, неумении сосредоточенно трудиться.

Показательно деление Ненюковым «русской интеллигенции» на пять групп, с характеристикой каждой из них. Многие мемуаристы предлагали свои классификации и объяснения, выявляли дефицит тех или иных людей, типов, качеств, которые позволили большевикам взять верх. Ненюков, прежде всего, пишет об отсутствии у «интеллигенции» воли и самодисциплины. Что характерно, он и о Слащове пишет как о типичном интеллигенте, с неистребимой неврастением. В обвинении «интеллигенции» совершенно не слышится солдафонского пре-

зрения к штатским. Напротив, Ненюков и себя причисляет к этому слою, понимая интеллигенцию максимально широко, как круг образованных людей, не исключая и офицерства.

Обращают на себя внимание мимолетные упоминания А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова. Лидеры крупнейших либеральных партий, властители дум в предреволюционный период и наиболее видные деятели оппозиции предстают в весьма непрезентабельном виде: растерянность, боязнь ошибиться с очередной «ориентацией», забота о местечке на корабле на случай военной неудачи...

Воспоминания Д. В. Ненюкова станут еще одним весомым мнением о русской военной истории, русском пути в мире в представительном ряду воспоминаний военных и морских деятелей России.

За два последних десятилетия в России сформированы весьма развернутые базы данных по офицерским персоналиям. Труды А. Г. Кавтарадзе (офицеры – военные специалисты в РККА), С. В. Волкова (офицерский корпус Русской императорской армии, персоналии участников Белого движения), А. В. Ганина (офицеры-генштабисты), активная работа сайта «Великая война» (генералы и штаб-офицеры – участники войны 1914–1918 гг.) и другие печатные труды и электронные ресурсы сформировали значительный массив обнародованной информации о жизненном и, главным образом, служебном пути представителей русского офицерского корпуса. Это обстоятельство избавляет нас, при подготовке комментариев, от излишней подробности в изложении. Поэтому в примечаниях даны основные вехи службы или значимые характеристики той или иной персоны, ее служебных взаимоотношений или политических ориентаций. Более подробная информация сейчас, как правило, легкодоступна.

Антон Посадский

Предисловие

Настоящие записки в большой своей части составлены мною в декабре 1917 и январе 1918 года в городе Измаиле,⁶ когда я был смещен с должности начальника обороны Нижнего Дуная революционными комиссарами. До войны я занимал должность помощника начальника Морского генерального штаба⁷ и от начала войны до ноября 1916 года начальника морского управления⁸ при Верховном главнокомандующем. С этого времени до декабря 1917 года был начальником морской и сухопутной обороны Нижнего Дуная. Во время Гражданской войны с мая 1918 г. до апреля 1919 г. был начальником центра Добровольческой армии⁹ в Одессе, а с августа до апреля 1920 г. – командующим Черноморским флотом. Мои записки составляют около 400–450 страниц писаной тетради. Я желал бы продать их в полную собственность, если возможно, за 300 крон за печатный лист.

Вице-адмирал Ненюков
12 ноября 1925

---

⁶ Город-порт на Дунае, уездный центр Бессарабской губернии.

⁷ Орган оперативного руководства флотом. Создан по итогам работы комиссии под председательством старшего лейтенанта А. В. Колчака, образованной в 1905 г. при Главном морском штабе для анализа причин поражения флота в борьбе с японским флотом и разработки предложений по реорганизации структуры управления. Высочайшим рескриптом 24 апреля 1906 г. на имя морского министра и Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату от 5 июня из состава Главного морского штаба были выведены части стратегическая и организационная по мобилизации флота с преобразованием в самостоятельный Морской генеральный штаб (МГШ). Первым начальником МГШ стал капитан 1-го ранга (с 1907 г. контр-адмирал) Л. А. Брусилов. «Наказом Морскому генеральному штабу» от 5 июня устанавливалась его совместная деятельность с Генеральным штабом военного ведомства.

⁸ Создано в Ставке с началом войны.

⁹ Нелегальные или полунелегальные, по обстоятельствам, агитационно-вербовочные подразделения, открывавшиеся командованием Добровольческой армией на территориях, неподконтрольных армии, но находившихся под властью антибольшевистских сил, прежде всего, на территории Украины. См. подроб.: *Гагкуев Р.* Охота на охотников: Вербовочные центры Добровольческой армии // Родина. 2008. № 3.

Часть I Мировая война

Перед войной и начало войны (1914 год)

Зима 1913–1914 года была для меня очень тяжелая. Осенью заболел серьезно начальник Морского генерального штаба вице-адмирал князь Ливен¹⁰ и, проболев два месяца на кватире, отправился за границу в продолжительный отпуск для лечения, возвращаясь из которого умер в вагоне железной дороги от разрыва сердца. Таким образом мне всю зиму пришлось одновременно исполнять две обязанности – начальника штаба и его помощника. Работы было хоть отбавляй: иногда в один день приходилось заседать в трех комиссиях, не считая повседневной работы в штабе.

Новый начальник штаба вице-адмирал Русин¹¹ был назначен только в мае 1914 года и тотчас же уехал с ответным визитом к начальнику французского Морского генерального штаба. Когда он вернулся и немного вошел в курс дела, я наконец почувствовал себя вправе попросить долгожданного и вполне заслуженного месячного отпуска. Уезжал я со спокойным сердцем. Сараевское убийство вначале не давало никаких оснований ожидать тех ужасных событий, которых оно сделалось предлогом. Мы все знали, что война неизбежна, но, по многим данным, ее нельзя было ожидать ранее 1916 года – времени полной готовности Германии и Австрии, следовавших в своих приготовлениях вполне определенному плану. В 1913 году один из наших тайных агентов доставил нам копию протокола тайных переговоров между германским и австрийским начальниками сухопутных генеральных штабов, где совершенно точно указывался срок окончания всех приготовлений – весна 1916 года. Был ли этот протокол подлинный или подложный, конечно, точно сказать нельзя, так как подобные документы фабриковались иногда с художественным правдоподобием. К этому 1916 году и мы готовили свой хорошо продуманный оборонительный план.¹²

С такими мыслями я расположился отдохнуть как следует в деревне, на чистом воздухе, не читая даже газет, как вдруг на третий день моего отпуска получаю лаконичную телеграмму: «Возвращайтесь немедленно. Русин». В тот же день, уже еду по железной дороге, я из газет узнал об австрийском ультиматуме Сербии, а на другой день в Петербурге на вокзале об открытии военных действий между этими государствами.

По прибытии в штаб начались страдные дни. Работа шла день и ночь. В помещение штаба были принесены кровати, и офицеры спали в своих бюро. Вышло как-то само собою,

---

¹⁰ *Ливен* Александр Александрович (1860–1914), светлейший князь, вице-адмирал (1912). Окончил Берлинский кадетский корпус (1878). Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, подпоручик (1884). Переведен во флот мичманом по экзамену (1884). Окончил минный офицерский класс (1887), Николаевскую Морскую академию (1898). Капитан 2-го ранга (1898). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Капитан 1-го ранга (1905). В 1908 г. прикомандирован к Морскому генеральному штабу. В том же году назначен командующим 1-й минной дивизией Балтийского флота. Контр-адмирал (1909). С 11.10.1911 и. о. начальника, с 25.03.1912 г. начальник Морского генерального штаба.

¹¹ *Русин* Александр Иванович (1861–1956), адмирал (1916). Окончил Морское училище (1882), Гидрографический отдел Николаевской морской академии (1888). Участник Китайского похода 1900–1901 гг. Морской агент (атташе) в Японии (1899–1904). Начальник Николаевской морской академии (1908–1910) и директор Морского кадетского корпуса (1908–1913). Вице-адмирал (1912). Начальник Главного морского штаба (1913–1914), Морского генерального штаба (1914–1917). Активный сторонник широкого военно-морского строительства, в первую очередь линейного флота. С июня 1915 по март 1917 г. помощник морского министра. 1 июня 1917 г. уволен в отставку. После прихода к власти большевиков в эмиграции. Был председателем Всезарубежного объединения русских морских организаций.

¹² Можно полагать, что автор имеет в виду так называемую Большую программу реорганизации и перевооружения армии, утвержденную в 1913 г. и предполагавшуюся к завершению в 1917-м.

что все прочие учреждения министерства стушевались и Генеральный штаб занял доминирующее положение. Предмобилизационный период прошел быстро и без шероховатостей, но так как все время теплилась надежда на благополучный исход переговоров, то минных заграждений ставить не решались, так как раз поставленные несколько тысяч мин надолго бы затруднили судоходство в Финском заливе. Вместе с тем минное поле у острова Нарсена было нашей единственной защитой против многократно сильнееюшего неприятеля, и кто мог поручиться, что немцы, подобно японцам в 1904 году, не начнут военных действий без формального объявления войны.¹³

Вот почему до установки минного заграждения на свое место мы переживали томительную тревогу. Командующий флотом адмирал фон Эссен сыпал запросами о разрешении поставить заграждение. Наконец, в ночь с 29 на 30 июня с флота пришло сообщение о ясно слышной работе германских искровых станций с новой настоятельной просьбой об установке заграждений. Дальше нервы уже не могли выдержать. С разрешения адмирала Русина я послал капитана 2-го ранга Альтфатера¹⁴ к начальнику штаба округа генералу Гулевичу,¹⁵ так как Балтийский флот уже был подчинен главнокомандующему Петербургским округом. Генерал Гулевич не взял на себя разрешения и отправил Альтфатера к начальнику Генерального штаба генералу Янушкевичу. Наконец в 5 часов утра Альтфатер явился и привез разрешение, которое было немедленно сообщено командующему флотом.

Наш план обороны, разработанный в 1909 и 1910 гг., был прост и практичен. Задачей Балтийскому флоту ставилось «не допускать неприятельский флот проникнуть в Финский залив», чтобы этим обезопасить столицу от всякого покушения с моря. Для выполнения этой задачи предполагалось заградить Финский залив в самой его узкой части, между островами Нарген и Макилат, минным полем длиной в 30 миль и шириной в милю. Для обороны флангов минного поля предполагалось на вышеуказанных островах построить сильные батареи по 14 орудий в башнях, а с фронта защита позиции поручалась Балтийскому флоту, основное ядро которого должна была составить тогда же заложенная бригада из четырех дредноутов.¹⁶ К 1916 году вся эта программа должна была быть выполнена, в июле же 1914 года положение представлялось в следующем виде: мы имели в готовности 4000 мин заграждения и шесть минных заградителей, которые могли выставить требуемое планом минное поле в 6 часов времени по первому приказанию; на островах Нарген и Макилат были построены временные батареи из нескольких 8- и 6-дюймовых орудий и наконец фронт позиции оборонялся бригадой из четырех старых линейных кораблей додредноутного типа.

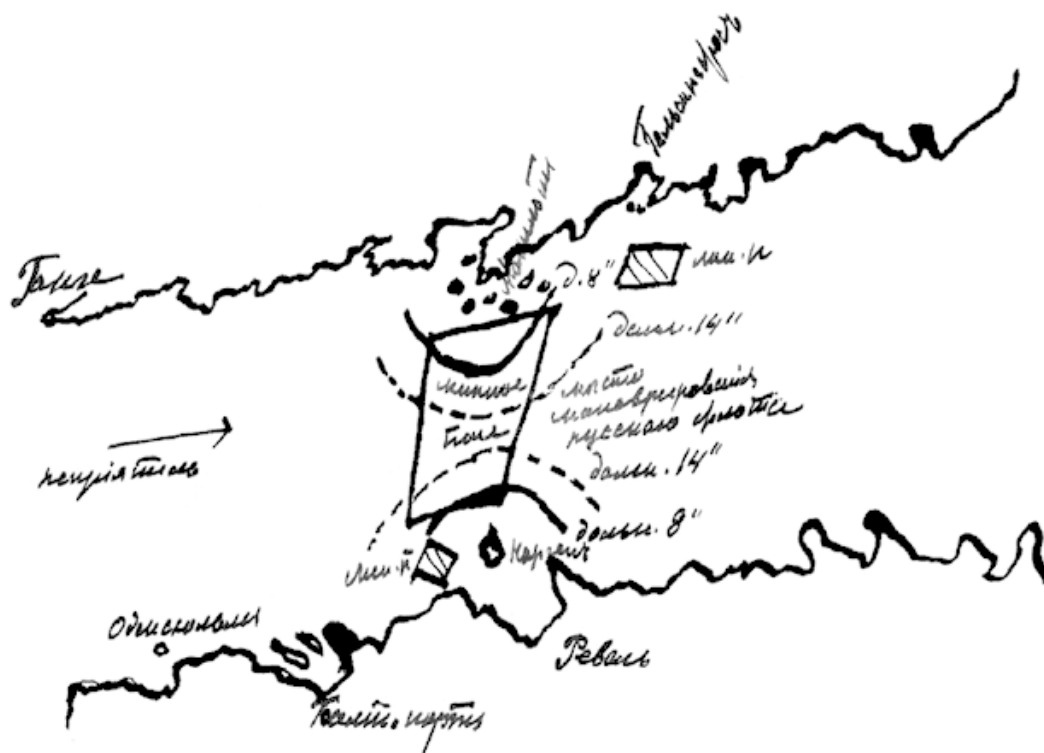
¹³ Русско-японская война началась без объявления войны, внезапным ударом 27 января 1904 г. японских миноносцев по русским кораблям Первой Тихоокеанской эскадры и Сибирской флотилии, стоявшим на внешнем рейде Порт-Артура. Это обеспечило господство японцев на море. В тот же день были атакованы русские корабли в корейском порту Чемульпо (Инчхон).

¹⁴ Вероятно, *Альтфатер* Василий Михайлович (1883–1919). Окончил Морской корпус (1902), Николаевскую морскую академию (1908). Участник обороны Порт-Артура в ходе Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны начальник Военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта. Контр-адмирал (октябрь 1917 г.). Перешел на сторону большевиков. Эксперт на мирных переговорах в Брест-Литовске. С февраля 1918 г. помощник начальника Морского генерального штаба. С апреля – член коллегии Народного комиссариата по военным и морским делам, с октября – член Реввоенсовета и командующий морскими силами Республики. Скончался в результате сердечного приступа.

¹⁵ *Гулевич* Арсений Анатольевич (1866–1947). Окончил 3-е военное Александровское училище (1885), Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Служил по Генеральному штабу. Военный теоретик, преподавал в Николаевской академии. В 1908–1912 гг. командир лейб-гвардии Преображенского полка. С 1912 г. начальник штаба войск гвардии и Петербургского ВО. С началом Первой мировой войны – начальник штабов 6-й, 9-й армий, Северо-Западного фронта. В 1916–1917 гг. командовал корпусом. В годы Гражданской войны – в Финляндии, представлял интересы генерала Н. Н. Юденича, заведовал Красным Крестом. В эмиграции во Франции, участвовал в работе Военно-научных курсов генерала Н. Н. Головина, состоял в руководящих органах ряда военных объединений зарубежья.

¹⁶ Линейные корабли «Гангут», «Севастополь», «Петропавловск» и «Полтава». Заложены летом 1909 г., спущены на воду в 1911 г., вступили в строй в ноябре-декабре 1914 г. Имели сильное вооружение, сравнительно высокую скорость хода, но относительно слабое бронирование. Образовали 1-ю бригаду линейных кораблей Балтийского флота. Далее в РККФ.

Укрепленная позиция Нарген – Макалат

Укрепленная позиция Нарген – Макалат

Получив долгожданное разрешение, командующий флотом отдал соответствующие приказания, и в 8 часов утра отряд заградителей под прикрытием флота начал свою работу. К 2 часам дня все было окончено в блестящем порядке. Было поставлено 2200 мин, и ни одна мина не всплыла. Все вздохнули свободно, с души спала огромная тяжесть.

Далее следовали известные события, мобилизация и объявление войны.

Должен теперь вернуться несколько назад, чтобы ход последующих событий был более ясен.

После Цусимского разгрома¹⁷ наш флот почти не существовал. В Балтийском море осталось некоторое количество миноносцев и несколько старых судов преимущественно крейсерского типа, но оставался личный состав, испивший горькую чашу тяжелого поражения и общественного презрения. Среди молодых офицеров было много талантливых и честных работников, и началась идейная борьба молодежи со старыми рутинерами, не отдававшими себе ясного отчета о значении и употреблении морской силы.

Должен, впрочем, оговориться, что в военных флотах всего мира со времени введения парового двигателя военная доктрина пришла в полное расстройство. Старые моряки неохотно расставались с мечтой о прежних парусных плаваниях. На огромные броненосцы продолжали ставить ненужные мачты с полным парусным вооружением, причем паруса употреблялись не для хождения по морю, что было технически невозможно, а для рейдовых парусных учений.

¹⁷ Морское сражение 14(27)–15(28) мая 1905 г. между русским и японским флотами в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Сражение закончилось катастрофическим поражением русской эскадры. Последнее крупное сражение Русско-японской войны, повлиявшее на ее исход. Последнее крупное морское сражение додредноутной эпохи; повлияло на развитие военно-морской мысли во всех ведущих морских державах.

Большая часть драгоценного времени при малом сроке службы нижних чинов тратилась на обучение слаженному парусному делу, причем выдвигались следующие якобы аксиомы морского дела:

1) Парусное дело для моряка то же, что латинский и греческий языки для всякого образованного человека.

2) Без знания парусного дела нельзя выработать лихого моряка.

При такой доктрине, создававшейся притом во время глубокого мира между морскими державами, не мудрено, что мыслящие умы уклонились от прямого направления куда-то в сторону. Во флоте повторялись павловские и аракчеевские времена. Главное внимание обращалось на чистоту палуб и вахтенную службу. Смотры всегда производились на рейдах, причем корабли щеголяли друг перед другом безукоризненными маневрами с парусами, а на стрельбу и тактические упражнения не обращали никакого внимания. Наш флот особенно долго страдал от установившихся взглядов на обучение, а ранее всех вышли на правильный путь немцы и японцы, что объясняется тем, что германский и японский флоты были совсем молоды и не имели укоренившихся традиций и рутины. Правда, и у нас еще до японской войны адмирал Макаров¹⁸ и капитан 2-го ранга Кладо¹⁹ пробовали бороться против рутины, но их голоса, как одиночные, не могли круто изменить общее настроение. Только японская война раскрыла нам наконец глаза, но и то не сразу. Молодежь горячо почувствовала тяжелые раны, нанесенные отечеству, и, в частности, когда-то победоносному родному Андреевскому флагу. Произошел не бывавший в летописях флота случай – одновременно пять русских судов спустили свои флаги и сдались неприятелю!

Наиболее способные офицеры стали центрами военно-морских кружков, начали доискиваться корня причин нашего поражения и, доискавшись, вступили в горячую идейную борьбу с рутинерами, стоявшими у власти. По счастью, два морских министра, занимавших этот пост в период с 1905 по 1909 год, адмирал Бирилев²⁰ и Диков,²¹ оба принадлежали к разряду колеблющихся. Как умные люди, они понимали, что флот не оправдал себя перед отечеством и нуждается в коренных реформах, но, с другой стороны, связанные по рукам традициями и личными симпатиями, они не могли открыто стать на сторону воинствующей молодежи. Тем не менее, вследствие их снисходительности, брешь в рутине была пробита.

Благодаря энергии и настойчивости одного из талантливейших представителей молодежи, лейтенанта Щеглова,²² был учрежден Морской генеральный штаб, в котором сосре-

¹⁸ Макаров Степан Осипович (1848–1904), вице-адмирал (1896), русский военно-морской деятель, полярный исследователь, океанограф, кораблестроитель. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Совершил два кругосветных плавания. В Русско-японскую войну командующий Тихоокеанским флотом; погиб 31.03 (13.04) 1904 г. на броненосце «Петропавловск» при выходе в море с Порт-Артурского рейда.

¹⁹ Кладо Николай Лаврентьевич (1862–1918), историк и теоретик русского флота, генерал-майор по адмиралтейству (1913). Окончил Морское училище (1881) и механическое отделение Морской академии (1886). С 1896 г. штатный преподаватель Морской академии. За публичную критику в открытой печати действий флотского начальства при подготовке эскадры Рождественского в 1905 г. уволен в отставку. В 1906 г. вновь принят на службу; преподавал в Морской академии. Полковник (1907). С 1910 г. ординарный, а с 1916 г. – заслуженный профессор Морской академии. С мая по декабрь 1917 г. был начальником Управления военно-морских учебных заведений, в мае 1917 г. выбран начальником академии. Умер от холеры.

²⁰ Бирилев Алексей Алексеевич (1844–1916), адмирал (1907). По окончании Морского кадетского корпуса (1864) служил на Балтийском флоте. Контр-адмирал (1894), вице-адмирал (1901). Главный командир флота и портов, начальник морской обороны Балтийского моря и военный губернатор Кронштадта (1904 г., в 1905 г. переименован в командующего Балтийским флотом). В июне 1905 г. недолго занимал должность командующего флотом в Тихом океане. Член Государственного совета (с 1905). После реорганизации высших органов Военно-морского управления и учреждения должности морского министра 29 июня 1905 г. назначен первым российским морским министром. Уволен в отставку в 1907 г.

²¹ Диков Иван Михайлович (1833–1914), русский адмирал (1905), генерал-адъютант (1906), морской министр (1907–1909). Служил на Черноморском флоте. Участник Крымской войны (1853–1856), боевых действий против кавказских горцев (1861–1864), Русско-турецкой войны (1877–1878). Контр-адмирал (1888), вице-адмирал (1894). Член Совета государственной обороны (1906–1909).

²² Щеглов – лейтенант, член специальной комиссии, учрежденной при Главном морском штабе под председательством старшего лейтенанта А. В. Колчака для анализа уроков неудачной войны с Японией. Представил морскому министру вице-

точилась вся созидательная работа по возрождению флота; прежде всего во всех трех морях: Балтийском, Черном и Японском, были поставлены соответствующие силам флота задачи. Из задач выяснились программа нового судостроения и планы военных операций, а из последних – учебные планы для каждого моря в отдельности.

Сам флот был в корне реорганизован. Прежде существовавшая система летних 4-месячных практических плаваний и затем зимнего 8-месячного сидения в казармах, на сухопутный образец, была отменена. Было приказано держать корабли укомплектованными личным составом круглый год, причем практическое плавание в Балтийском море было продолжено до 7–8 месяцев, в зависимости от его замерзания, а в Черном и Японском морях – на весь год. Только нуждающиеся в крупном ремонте суда ставились в резерв, но и то личный состав при малейшей возможности оставался жить на них. Эта реформа, давно усвоенная во всех иностранных флотах, дала очень скоро и у нас блестящие результаты. Личный состав, не расстававшийся со своим кораблем, скоро почувствовал себя как бы слившимся с ним и на каждом корабле жизни стал вырабатывать свои традиции.

На стрельбу как артиллерийскую, так и минную, было обращено серьезное внимание. Благодаря трудам выдающихся артиллеристов контр-адмирала Герасимова²³ и капитана 2-го ранга Игнатьева²⁴ были выработаны прекрасные методы стрельбы и подготовительных к стрельбе упражнений. Число практических стрельб было увеличено в пять раз, и ассигнованы большие суммы на установку снарядов, патронов и щитового имущества.

Число учебных минных стрельб также было увеличено, и был отменен закон, требующий следственного производства о потере каждой мины при практической стрельбе. Этот закон был кошмаром всех минных офицеров и заставлял их находить всевозможные предлоги, чтобы уклоняться от производства стрельб.

Во всех морях была организована служба связи. Это учреждение, несмотря на свою важность, совершенно отсутствовало у нас до японской войны. Теперь были приняты меры по оборудованию на всех важнейших пунктах побережья помещений для сигнальных и сторожевых постов, содержимых и в мирное время и связанных между собой телеграфом или телефоном. При мобилизации служба связи развевывалась в густую сеть наблюдательных постов, снабженных всем необходимым для наблюдения за морем и быстрой передачи на флот всего усмотренного. Только что нарождавшаяся морская авиация была придана службе связи и значительно усилила ее средства. Флот получил глаза, которых у него не было.

Возможные театры военных операций получили надлежащее оборудование: было приступлено к сооружению Ревельской крепости²⁵ как главной маневренной базы Балтийского флота и к усилению артиллерийской обороны Севастополя с моря.

адмиралу А. А. Бирилеву докладную записку «Значение и работа штаба на основании опыта Русско-японской войны» о необходимости создания в России Морского генерального штаба. Записка была доложена императору Николаю II, рассмотрена на совещании в Морском министерстве. Сформулированные в записке идеи были одобрены и реализованы.

²³ Герасимов Александр Михайлович (1861–1931), вице-адмирал (1913). Окончил Морское училище (1882), Михайловскую артиллерийскую академию (1892). Во время Русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура. Контр-адмирал (1911). Комендант морской крепости императора Петра Великого (1913–1917). Начальник Ревельского войскового района и города Ревеля (с 8 августа 1914). Генерал-губернатор Эстляндии и Лифляндии (с 11 августа 1914). Уволен в отставку 23 июня 1917 г. Во время Гражданской войны начальник Морского управления при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанте А. И. Деникине. С 1920 г. в эмиграции, был директором Морского корпуса вплоть до его ликвидации в 1925.

²⁴ Игнатьев Николай Иванович (1880–1938), капитан 2-го ранга. Окончил Морской кадетский корпус (1899), Артиллерийский офицерский класс. Участник Китайского похода 1900–1901 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. Штаб-офицер Морского генерального штаба (1913–1915), в начале 1915 г. возглавлял организационно-тактическую часть. Флагманский артиллерийский офицер штаба командующего флотом Балтийского моря (1915–1916). Капитан 1-го ранга за отличие (1916). После Октябрьской революции пошел на службу к большевикам. Расстрелян по обвинению в шпионаже. Реабилитирован в 1969 г.

²⁵ Военный порт императора Петра Великого заложен 29 июня 1912 г.; с 30 апреля 1913 г. – морская крепость императора Петра Великого. Новый порт как маневренная база флота и крепость как центр укрепленного района (Ревель-Поркалаудская

Ширина фарватера у финляндских берегов была приспособлена для плавания не только миноносцев, но и больших кораблей, что давало нашим судам большие преимущества перед неприятелем, прорвавшимся в Финский залив.

Порты были приспособлены для быстрого снабжения судов топливом и другими припасами, а для миноносцев – и мастерские. Эти базы должны были всегда находиться поблизости места военных операций в готовности снабдить всем нужным действующий флот и оказать ему помощь в случае аварий и мелкого ремонта.

В учебные планы флота в Балтийском и Черном морях были введены обязательные малые и большие маневры. Малые маневры производились несколько раз в год под наблюдением командующих морскими силами, а большие – обыкновенно осенью под наблюдением начальника Генерального штаба, по заданиям, близким к предположенному плану военных операций.

Были введены улучшения и в проходящие службы личным составом. Прежний бюрократический морской ценз, не считавшийся с индивидуальностью офицеров и смотревший на них, как на машины, долженствующие проплавать для своего повышения известное число месяцев, был значительно смягчен и приспособлен к жизни. Командующий морскими силами получил право выбора своих флагманов и командиров, а командиры – своих старших офицеров и специалистов.

Ввиду уменьшения срока службы нижних чинов с 7 до 5 лет²⁶ были образованы кадры сверхсрочнослужащих, но, к сожалению, денежное обеспечение последних было назначено недостаточное, вследствие чего процент сверхсрочнослужащих никогда не достигал желательной нормы.

К сожалению, также не было обращено должного внимания на борьбу с революционной пропагандой, что дало впоследствии печальные результаты.

Из приведенного короткого перечня наиболее важных реформ видно, что морское ведомство вполне целесообразно и производительно использовало время с 1905 по 1914 год. Единственным упущением было запоздание с постройкой подводных лодок, которых к началу войны было в готовности только шесть, да и те устарелого типа. В постройке в 1914 году было в Балтийском море 12 подводных лодок, а в Черном море – 6, но механизмы для большей их части были заказаны в Германии, как в единственной стране, умеющей в то время строить дизель-моторы.

Когда война началась, механизмы были конфискованы германским правительством, и наше морское ведомство было поставлено в затруднительное положение, из которого оно, впрочем, вышло довольно благополучно, разоружив канонерские лодки Амурской речной флотилии,²⁷ которые имели дизель, подходивший и для наших подводных лодок.

Все вышеприведенные реформы проходили в морском ведомстве не без трений. Большинство старых адмиралов, стоявших у власти, критически относились к начинаниям Морского Генерального штаба, и офицеры последнего даже получили презрительное название младотурок, но молодежь вся была на стороне Генерального штаба, и это течение было так сильно, что старикам пришлось смириться, чему много способствовало личное влияние командующего

позиция для защиты входа в Финский залив) задуманы и созданы как мера защиты Санкт-Петербурга в случае войны от превосходящих Балтийский флот военно-морских сил Германии. До создания крепости на Балтике существовало пять морских крепостей: Выборг, Свеаборг, Усть-Двинск, Кронштадт и Либава.

²⁶ Согласно уставу о воинской повинности 1874 г., во флоте устанавливался семилетний срок действительной службы с трехлетним пребыванием в запасе. Затем это соотношение было изменено. На 1913 г. срок действительной службы во флоте составлял 5 лет, с последующим пятилетним пребыванием в запасе.

²⁷ Амурская речная флотилия создана приказом по Морскому ведомству от 28 ноября 1908 г. из судов Сибирской флотилии, дислоцированных на Амуре. В 1910 г. вступили в строй 8 башенных канонерских лодок, а также бронекатера («бронированные посыльные суда») – военная новинка. Частичное разоружение флотилии коснулось не только дизелей, но и артиллерии главного калибра (152-мм и 120-мм), также отправленной на Балтику и в Черное море.

морскими силами адмирала фон Эссена,²⁸ который совершенно определенно стал на сторону Генерального штаба.

Критический период флот переживал в 1909 году во время министерства адмирала Воеводского,²⁹ большую часть своей службы проплававшего на яхтах и не понимавшего новых требований, предъявляемых к боевому флоту.

По счастью, уже в 1910 году морским министром был назначен адмирал Григорович,³⁰ человек с ясным умом, несокрушимой энергией и незаурядным административным талантом. При нем работа закипела как в центральных учреждениях ведомства, так и в портах и на заводах. Адмирал пользовался также большим авторитетом в думских кругах, благодаря чему морские кредиты проходили легко и без трений.

После объявления войны

С объявлением войны стало известно, что великий князь Николай Николаевич³¹ будет Верховным главнокомандующим. Государь хотел сам принять на себя командование, но министры его отговорили.

На другой день после объявления войны я как обыкновенно явился к министру с очередными телеграммами, и совершенно неожиданно он меня поздравил с производством в контр-адмиралы и с назначением начальником Морского управления при Верховном главнокомандующем.

В тот же день [я] явился к генералу Янушкевичу³² как начальнику штаба Верховного главнокомандующего. Меня принял очень любезный красивый генерал. Разговор был очень короткий. Мне было сказано, что Верховный главнокомандующий познакомится со своим штабом по прибытии в Ставку, место которой является пока секретом, и затем было рекомендовано по всем делам обращаться непосредственно к нему. Следующий мой визит был к гене-

---

²⁸ Эссен Николай Оттович фон (1860–1915), адмирал (1914). Окончил Морской корпус (1881 г., с отличием) и Николаевскую морскую академию (1886). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. После ее окончания занимал различные должности в Морском штабе, находился на преподавательской работе. В 1906–1908 гг. командовал 1-й минной дивизией Балтийского флота. Контр-адмирал (1907), вице-адмирал (1909). В декабре 1909 г. назначен начальником морских сил на Балтике, а в мае 1911 г. – командующим Балтийским флотом.

²⁹ Воеводский Степан Аркадьевич (1859–1937), адмирал (1913), морской министр с января 1909 по март 1911 г. Выпускник Морского корпуса и Николаевской морской академии. Его министерство ознаменовано отказом от тех новых начал в строительстве флота и управлении им, которые были приняты после Русско-японской войны. Воеводский, действительно, долго плавал на императорской яхте «Царевна». В эмиграции во Франции, похоронен в Ницце.

³⁰ Григорович Иван Константинович (1853–1930), генерал-адъютант, адмирал (1911). Член Государственного совета (1914). Окончил Морское училище (название Морского кадетского корпуса в 1867–1891). Контр-адмирал (1904). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Вице-адмирал (1909). Назначен товарищем (заместителем) морского министра, а 19.03.1911 морским министром с присвоением чина адмирала. Много сделал для возрождения флота, укрепления судостроительной промышленности, подготовки личного состава кораблей. 22.03.1917 г. решением Временного правительства снят с поста министра. Осенью 1924 г. выехал на лечение во Францию и в Россию больше не вернулся.

³¹ Николай Николаевич (Младший) (1856–1929), великий князь, сын великого князя Николая Николаевича Старшего, внук Николая I. Генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904). С 20.07.1914 по 23.08.1915 Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи. 23.08.1915 назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом. Во время Февральской революции высказался за отречение Николая II. Вновь назначенный Верховным главнокомандующим 02.03.1917 снят с должности распоряжением Временного правительства 11.03.1917 и 31.03.1917 уволен со службы. Октябрьскую революцию и германскую оккупацию пережил в крымском имении своего младшего брата великого князя Петра Николаевича. В конце марта 1919 г. вместе с еще несколькими членами императорской династии вывезен из Крыма на английском дредноуте «Мальборо». Остаток жизни провел в эмиграции (Италия, Франция).

³² Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), генерал-лейтенант (1913). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1888) и Николаевскую академию Генерального штаба (1896). Генерал-майор (1909). Начальник Николаевской военной академии с 20.01.1913 по 05.03.1914 Начальник Генерального штаба (с 05.03.1914). С началом Первой мировой войны назначен на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. Генерал от инфантерии (22.10.1914). После назначения великого князя Николая Николаевича наместником на Кавказе был его помощником по военным вопросам (1915). С 1916 г. одновременно – главный начальник снабжений Кавказской армии. Уволен со службы 31.03.1917 г. В начале 1918 г. был арестован в Могилеве; по пути в Петроград убит конвоирами.

рал-квартирмейстеру генералу Данилову, так называемому Данилову-черному,³³ в отличие от Данилова-рыжего,³⁴ который занимал должность начальника канцелярии Военного министерства. С генералом Даниловым я уже был знаком по совместной работе в генеральных штабах. Он сидел у себя в кабинете мрачный как туча и дал мне лишь короткие указания относительно будущих наших взаимоотношений. На мой вопрос о его надеждах на успех он мрачно покачал головой и сказал следующее:

– Мы далеко не готовы; дай Бог, чтобы первый удар был не по нам.

Дежурного генерала я не застал и оставил ему свою карточку, а потом вернулся в свой штаб, чтобы подготовить сдачу дел своему заместителю, командиру линейного корабля «Петропавловск» капитану 1-го ранга Пилкину.³⁵

С переходом на военное положение нужно было также урегулировать работу штаба применительно к обстановке. Объявленное в самый день начала военных действий «положение о полевом управлении войск» давало только самые общие указания о работе морских управлений в масштабе фронтов и Ставки Верховного главнокомандующего. Эта работа в главных чертах сводилась к составлению приказов, директив для командующих флотами и к ежедневному составлению сводок о ходе военных действий на море. За Морским генеральным штабом оставались целиком деятельность по наблюдению за снабжением флота всем необходимым, собирание сведений о противнике, составление новых положений и инструкций и прочая повседневная работа. На заседании под председательством адмирала Русина было решено, что Генеральный штаб возьмет на себя общее руководство реквизициями коммерческих судов по военно-судовой повинности и морскую гидроавиацию, которая находилась в самом зачаточном состоянии, но должна была развиваться в важный орган службы связи и морской разведки. Кроме того, было решено образовать в штабе осведомительное бюро, в котором должны были концентрироваться сведения из Министерства иностранных дел, сухопутного Генерального штаба, Ставки Верховного главнокомандующего, штабов флотов, морских агентов и тайной агентуры. После цензуры сведения должны были сообщаться заинтересованным лицам и учреждениям, а что возможно, то и в печать.

День 4 августа принес нам большое облегчение. Выяснилось окончательно, что Англия наша союзница и Италия остается нейтральной. Помимо огромного значения присоединения к державам Согласия нового мощного союзника, в частности для Балтийского моря, решение

³³ Данилов (черный) Юрий (Георгий) Никифорович (1866–1937), генерал-лейтенант (1913). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886) и Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (1908–1909). Генерал-майор (1909). Генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (1909). С 19.07.1914 генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. Генерал от инфантерии (1914). 30.08.1915 назначен командиром 25-го армейского корпуса. С 11.08.1916 и. д. начальника штаба Северного фронта. С 29.04.1917 по 09.09.1917 командующий 5-й армией. В 1918 г. вступил в Красную армию, возглавлял группу военных экспертов при советской делегации на переговорах с Центральными державами в Брест-Литовске. 25.03.1918 вышел в отставку и уехал на Украину, затем перешел в расположение Добровольческой армии. В ВСЮР занимал пост помощника начальника Военного управления. С 1920 г. в эмиграции.

³⁴ Данилов (рыжий) Николай Александрович (1867–1934), генерал от инфантерии (1914). Окончил 3-е военное Александровское училище (1886) и Николаевскую академию Генерального штаба (1893). С 1901 г. экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ординарный профессор Николаевской академии Генштаба (1904–1912). При мобилизации 19.07.1914 назначен главным начальником снабжений армий Северо-Западного фронта. С 13.06.1916 командовал 10-м армейским корпусом. С 12.07.1917 (с перерывом с 07.08–22.08) командовал 2-й армией Западного фронта. В 1918 г. добровольно вступил в Красную армию; находился на преподавательской работе.

³⁵ Пилкин Владимир Константинович (1869–1950), капитан 1-го ранга (1911). Окончил Морской корпус (1890), военно-морской отдел Николаевской морской академии (1908). Участник Русско-японской войны, после ее окончания работал в Главном морском штабе. В 1906–1916 гг. командовал различными кораблями Балтийского флота. В 1916–1917 гг. командир 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. Контр-адмирал (1916). В время Гражданской войны участник Белого движения; морской министр правительства Северо-Западной области (с августа по 3 декабря 1919 г.). После поражения белых – в эмиграции во Франции. Автор содержательного дневника, см.: Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005.

Англии знаменовало связанность германского флота. С этого момента мы могли рассчитывать, что против нас могут быть двинуты только старые линейные корабли, так как дредноуты Германия должна была беречь против главного врага на море. Французский морской агент капитан 2-го ранга Гало, каждый день приходивший в штаб за новостями и отличавшийся настоящим галльским темпераментом и постоянно меняющимся настроением, явился в этот день с победоносным видом. Я его спросил, что французы потребуют от Германии. «Да ничего, кроме Эльзаса и Лотарингии, – ответил он, – разве еще маленькую контрибуцию». А какую? «Да раз в пять больше, чем они взяли у нас в семидесятом году». Аппетиты начали уже разгораться.

На следующий день было историческое заседание Государственной думы. Мне пришлось ехать туда на автомобиле с генералом Янушкевичем, и мы разговаривали о войне. Он был очень оптимистично настроен и говорил, что мы потребуем себе после заключения мира Галицию и Восточную Пруссию, чтобы выровнять наши границы. Такой оптимизм сильно меня поразил после мрачного пессимизма генерала Данилова и привел в большое смущение.

В Государственной думе Родзянко³⁶ вел заседание с большим подъемом, и чувствовалось, что патриотизм действительно охватил в это время наших законодателей. Правые жали руки левым, приветствовали союзных послов и громовое «ура» долго перекатывалось по зале. При виде этого зрелища и я заразился верой в победу, но мое настроение сильно упало после разгрома германского посольства, где так ярко выявилась наша общая некультурность. Помимо того, что разгром был явно допущен властями, мне пришлось слышать из уст, казалось бы, вполне образованных людей одобрение этому варварскому поступку.

На море в это время все было спокойно. В Либаве и военные, и морские власти растерялись. Произошла паника. Какой-то разъезд донес о приближении неприятельской кавалерии, и, не проверив донесения, те и другие приступили к уничтожению военных сооружений. Правда, по плану военных операций Либаву и не предполагалось защищать в начале войны, но все же, находясь в наших руках, она представляла убежище для наших миноносцев в случае операций в открытом море. Слишком точные исполнители инструкций затопили при входе в порт несколько малых пароходов и взорвали подъемный кран. Впоследствии пришлось довольно много поработать, чтобы восстановить действие порта.

Наш Балтийский флот, убедившись, что ему в ближайшие дни ничего не угрожает, приступил к систематическому усилению Ревельской позиции, выдвигая вперед где нужно минные заграждения и усиливая важные оборонительные пункты орудиями, снятыми со старых судов. Бригада линейных кораблей в составе «Андрея Первозванного», «Павла I», «Цесаревича» и «Славы» базировалась на Гельсингфорс. При ней находился и крейсер «Рюрик», на котором обыкновенно держал свой флаг адмирал фон Эссен. Впоследствии адмирал перешел на посыльное судно «Кречет», очень удобное для жизни и работы большого штаба. Первая бригада крейсеров в составе «Адмирала Макарова», «Паллады», «Баяна», «Бесстрашного» и «Олега» базировалась на Ревель, а вторая, состоявшая из «Громобоя», «России», «Дианы» и «Авроры», – на Гельсингфорс. 32 миноносца были распределены между этими портами, а пять подводных лодок – все базировались на Ревель. Этот подлинный перечень представляет собой все наличные боевые силы Балтийского флота в августе 1914 года.

Идея обороны представлялась в следующем виде. По первому уведомлению от сторожевых судов или постов службы связи о приближении к Финскому заливу больших неприятельских сил флот выходил на позицию. Линейные корабли располагались за минным полем

---

³⁶ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), политический деятель, действительный статский советник (1906), гофмейстер высочайшего двора (1899). Лидер партии «Союз» 17 октября (октябристов), председатель 3-й и 4-й Государственных дум. Один из создателей и лидеров Прогрессивного блока. Один из лидеров Февральской революции, с 27 февраля 1917 г. председатель Временного комитета Госдумы. Во время Октябрьского переворота пытался организовать защиту Временного правительства, в дальнейшем выехал на Дон, в рядах Добровольческой армии прошел Первый Кубанский (Ледяной) поход. С 1920 г. в эмиграции.

в центре позиции, а крейсера и миноносцы в двух группах на ее флангах для подкрепления сухопутных батарей.

Подводные лодки выходили в море для действия в тылу неприятеля. Пока наши 14-дюймовые пушки не были установлены на своих местах, неприятель мог игнорировать наши недальнобойные сухопутные батареи и обратить свои усилия против центра позиции, находящегося вне обстрела сухопутных батарей, тем не менее и этим батареям уже стесняли пространство и мешали неприятелю развернуть против нас большие силы.

Бой должен был начаться артиллерийской дуэлью между нашей минной бригадой и неприятельским флотом. Едва ли можно сомневаться, что, при численном превосходстве противника, наши суда скоро должны были быть вынуждены к отходу, но они отошли бы ровно настолько, чтобы не подвергаться действительному огню неприятеля. Отогнав наши суда, неприятель приступил бы к тралению прохода в минном поле, причем наши мелкосидящие и потому не боявшиеся мин заграждения миноносцы старались бы мешать тральщикам работать, угрожая своими атаками, а заградители, если не днем, так ночью, должны были подставлять новые ряды мин заграждения в направлении, перпендикулярном протраленному каналу. Таким образом, форсирование минного поля являлось длительной, сложной и далеко не безопасной операцией.

В случае, если бы германский флот прорвал минное поле, наш флот удалился бы в Гельсингфорс, на фланг операционного направления к Петербургу, и, владея финляндскими шхерами, создавал бы постоянную угрозу неприятельскому тылу и флангу.

Угрожаемые английским флотом, немцы не решились на эту операцию, несмотря на ближайшую перспективу создать непосредственную угрозу нашей столице, именно вследствие ее трудности и опасности. Когда это окончательно выяснилось, личный состав Балтийского флота заволновался. Многие высказывали мнение, что война кончится очень скоро и флот останется в бездействии. Молодежь, несмотря на материальную слабость флота, требовала активных действий, и командующему флотом, связанному строгими директивами Ставки, стоило больших трудов, чтобы утихомирить горячие головы. В скором времени, впрочем, был найден выход для бывшей ключом энергии молодежи, но об этом поговорим впоследствии.

31 июля/13 августа был, наконец, назначен день отъезда главной квартиры из Петербурга. Весь состав разместился в пяти поездах, кроме конвойного Лейб-казацкого полка, который отправился заблаговременно. Морское управление следовало вместе с управлением дежурного генерала и военных сообщений во втором эшелоне, а Верховный главнокомандующий с отделом генерал-квартирмейстера в третьем. Морское управление состояло всего из пяти лиц: меня, двух штаб-офицеров капитанов 2-го ранга, Немитца³⁷ и Бубнова,³⁸ и двух обер-офице-

---

³⁷ *Немитц* Александр Васильевич (1879–1967), капитан 2-го ранга (1912). Окончил Морской кадетский корпус (1899) и Морскую академию (1912). В 1905 г. отказался командовать расстрелом матросов транспорта «Прут», осужденных за мятеж, защищал на суде матросов – участников Севастопольского восстания 1905 г. С 1907 г. штаб-офицер Морского Генерального штаба. 25.07.1914 г. назначен штаб-офицером ставки Верховного главнокомандующего. 25.05.1915 г. назначен командиром канонерской лодки «Донец». Служа на Черноморском флоте, командовал 5-м дивизионом эскадренных миноносцев (с 18.01.1916), 1-м дивизионом эскадренных миноносцев (с августа 1916), минной дивизией. Капитан 1-го ранга (1916). 20.06.1917 г. был назначен командующим Черноморским флотом, в августе получил чин контр-адмирала. После Октябрьской революции перешел на сторону большевиков. С марта 1919 г. на службе в Красной армии, начальник военно-морской части Одесского военного округа. В августе 1919 г. стал начштаба группы красных войск под командованием И. Якира, прорывавшейся из Одессы на север. В 1920–1921 гг. командующий морскими силами республики. С 1922 г. – на штабной и преподавательской работе. Вице-адмирал (1941). С 1947 г. в отставке.

³⁸ *Бубнов* Александр Дмитриевич (1883–1963), капитан 2-го ранга (1913). Окончил Морской корпус (1903), военно-морской отдел Николаевской морской академии (1913). Во время Русско-японской войны участвовал в Цусимском сражении, был тяжело ранен. Во время Первой мировой войны служил в штабе Верховного главнокомандующего сначала в должности флаг-капитана, а затем начальника Военно-морского управления при Верховном главнокомандующем (12.10–2.12.1917). Капитан 1-го ранга (1916), контр-адмирал (28.07.1917). В 1917 г. и. д. начальника Морского управления ставки Верховного главнокомандующего. Участник Белого движения. С 20 августа 1919 по 8 февраля 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. После поражения белых – в эмиграции, преподавал в Королевской военно-морской академии в Дубровнике (Югославия).

ров лейтенантов, Яковлева и Апрелева.³⁹ При управлении еще состоял великий князь Кирилл Владимирович⁴⁰ со своим адъютантом князем Ливеном.⁴¹

Для всех нас был отведен вагон 1-го класса, и каждому досталось отдельное купе, очень просторное и удобное. Если бы был шкаф для платья, то совсем было бы похоже на приличную лейтенантскую каюту на корабле. В этих каютах нам пришлось прожить больше года, и мы так к ним привыкли, что не захотели перебраться в комнаты, когда это стало возможно.

В 8 часов вечера поезд отошел от Царскосельского вокзала. Было много провожающих, но публика была настроена сосредоточенно, а потому «ура» вышло довольно жидкое. Мы двигались по графику воинских поездов по 300 верст в сутки и потому прибыли на место только на третьи сутки. Оказалось, что пунктом нашего назначения была станция Барановичи,⁴² и секрет был соблюден так хорошо, что мы узнали о месте Ставки только по прибытии к месту назначения.

Автор многих трудов по военно-морской проблематике.

³⁹ Вероятно, *Апрелев* Борис Петрович (1888–1951), старший лейтенант, офицер связи с командованием союзными морскими силами в Средиземном море. После Февральской революции во французском флоте. Участник Белого движения; с 1919 г. морской агент адмирала Колчака в Италии и Югославии. Капитан 2-го ранга (1919). После окончания Гражданской войны в эмиграции.

⁴⁰ *Кирилл Владимирович* (1876–1938), великий князь, двоюродный брат императора Николая II, капитан 1-го ранга (1910), флигель-адъютант (1896). Окончил Морской кадетский корпус и Николаевскую морскую академию. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С началом Первой мировой войны служил в штабе Верховного главнокомандующего, начальник морских батальонов. Контр-адмирал свиты (1915). Командир Гвардейского экипажа и начальник морских батарей в действующей армии (1915). Во время Февральской революции привел Гвардейский экипаж к зданию Государственной думы и объявил о своей поддержке новой власти. В июне 1917 г. уехал в Финляндию. Как ближайший родственник Николая II по мужской линии, в 1922 г. провозгласил себя блюстителем престола, а в 1924 г. – императором.

⁴¹ *Ливен* Карл Павлович (1880–1941), светлейший князь, двоюродный брат адмирала св. кн. А. А. Ливена. В 1902 г. окончил Александровский лицей. Офицер с 1904 г. Капитан 2-го ранга, состоял при великом князе Кирилле Владимировиче. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции во Франции (Париж).

⁴² Станция 3-го класса, начала функционировать в ноябре 1871 г. как станция Московско-Брестской железной дороги. С 1886 г. через станцию прошла также Полесская железная дорога. Станции двух дорог связывала соединительная ветка длиной три км.

Ставка

Место Ставки было выбрано удобное, в узловом пункте железных дорог, занимающем центральное положение по отношению к фронту начального развертывания. Мы все помещались в вагонах, а управления и канцелярии разместились в бараках и домах железнодорожной бригады, занимавшей это местечко в мирное время. Помещения бригады были расположены совершенно отдельно от местечка Барановичи, а потому изоляция Ставки была очень удачна как в смысле охраны великого князя, так и в смысле борьбы с проникновением шпионов.

Поезда, в которых мы жили, стояли в лесу на вновь построенных тупиках, и летом было достаточно места для прогулок. Зимой стало гораздо хуже, вследствие выпадения глубоких снегов, и приходилось прогуливаться только по немногочисленным расчищенным дорожкам. Самое местечко, исключительно еврейское, имело около тридцати тысяч жителей и было расположено по другую сторону от железной дороги, приблизительно в версте от Ставки. Мы в нем почти не нуждались, так как ежедневный курьер привозил все необходимое из Петрограда. Столовались мы в вагоне-столовой на две очереди по сорока человек в каждой. Плата была чрезвычайно малая, всего один рубль в день за завтрак из трех блюд, обед из четырех и три раза чай с хлебом и маслом. Разница в цене уплачивалась из особых сумм штаба. Великий князь со свитой имел свой стол в своем поезде, и мы туда приглашались человек по десять в день.

Поезд великого князя стоял около небольшого дома начальника железнодорожной бригады, где помещалась канцелярия оперативной части и находились аппараты связи. Таким образом великий князь находился в непосредственной близости от центра всех сообщений, а в случае надобности и сам мог подойти к аппаратам для переговоров с главнокомандующими армиями фронта или Царским Селом. Поезд состоял из вагонов великого князя, начальника штаба, генерал-квартирмейстера, свитского, иностранных агентов, прислуги и вагона-столовой. Место вокруг поезда было оцеплено постами полевых жандармов, и без письменного пропуска от коменданта пропускались только известные жандармам лица.

Домик начальника бригады состоял из нескольких комнат и весь был занят канцелярией, но очень скоро места для аппаратов не хватило и пришлось делать специальную пристройку. Другой поезд, в котором помещались чины штаба, стоял в сотне саженей от первого, ближе к железнодорожной станции, вне пояса специальной охраны. Туда доступ был свободен, но находился под наблюдением специальных агентов.

В начале войны состав штаба был очень невелик. Всего во всех управлениях было 85 офицеров и чиновников, кроме конвоя, свиты великого князя и иностранных агентов. Впоследствии в Могилеве число чинов штаба возросло до 500 человек, из коих добрая половина была совершенно лишняя. Все чины штаба, благодаря полной изолированности, быстро перезнакомились и даже сошлись друг с другом. Потекла монотонная и скучная жизнь: все интересы сходились вокруг войны, и все переживали удачи и неудачи, совместно радуясь и горюя, смотря по обстоятельствам.

Должен сказать, что, несмотря на обширное поле для интриг всякого рода, их почти не было. Каждый занимался своим делом и в свободное время развлекался кто как умел и мог. Это, конечно, следует отнести на счет благородного характера великого князя. Постепенно и я близко ознакомился со всеми обитателями Ставки. Сейчас еще не наступило время давать характеристики главных лиц, но все же не могу удержаться, чтобы не высказать общего впечатления. Ставка, представлявшая мозг армии, где должны были быть собраны наиболее способные люди из всей армии, далеко не удовлетворяла этим требованиям. В ней было много очень милых и симпатичных людей, но, к сожалению, и только. Талантами она не блистала. Общее впечатление было серой будничной посредственности. Наиболее яркими фигурами

были генерал-квартирмейстер Данилов и полковник Генерального штаба Свечин,⁴³ первый по своему твердому характеру и логическому мышлению, а второй был несомненно талантлив. Между тем Ставке предстояла серьезнейшая и ответственная задача. Нужно было собирать опыт войны, обрабатывать его и на основании сделанных выводов уже во время самой войны реорганизовывать и перевоспитывать армию, закованную в старые традиции. Эта задача оказалась не по силам нашей Ставке. Мозг армии не справился со своей задачей.

Первые дни в Ставке

Через несколько часов после нашего поезда пришел поезд великого князя. Мы, т. е. прежде прибывшие, построились на платформе вокзала по управлениям. Великий князь со свитой и со значком обошел фронт и сказал по несколько любезных слов всем начальникам управлений. На этом окончилось представление, и великий князь удалился в свой вагон, а мы направились восвояси, т. е. в свой поезд, на текущую работу.

В нашем управлении дела было немного. Каждый вечер мы получали сводки сведений по Балтийскому флоту, а когда началась война с Турцией, то и по Черноморскому. Эти сведения обрабатывались и, смотря по их важности, посылались или докладывались мною лично начальнику штаба, который докладывал великому князю только особо важные дела.

В день поступало от десяти до пятнадцати телеграмм, из которых половина шифрованных по всевозможным вопросам. В начале офицерам управления приходилось много работать с расшифровкой и набором шифра, но вскоре мы соединились прямыми проводами как с Петроградом, так и с Севастополем, и шифрованных телеграмм стало приходиться очень мало. В общем, можно сказать, что флот не доставлял много беспокойства, после того как выяснилось, что немцы наступать не собираются. Сами же мы до готовности наших дредноутов были слишком слабы, чтобы действовать активно. Таким образом весь интерес сосредоточивался на армии.

В это время наступление немцев на Западном театре уже определенно обозначилось. Геройская бельгийская армия уже была сломлена, Брюссель с часу на час должен был быть очищен, и нужно было скоро ожидать соприкосновения французской и германской армий. Французы нас бомбардировали просьбами о скорейшей готовности. Главная квартира стала нажимать на генерала Жилинского,⁴⁴ командующего Северо-Западным фронтом, и в результате мы поспешили с наступлением. В особенности 2-я армия генерала Самсонова⁴⁵ пошла в

⁴³ Свечин Александр Андреевич (1878–1938), полковник (1912). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1897) и Николаевскую академию Генерального штаба (1903). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С началом Первой мировой войны офицер для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (25.07.1914–1915). Командир 6-го Финляндского стрелкового полка (23.07.1915–15.01.1917). Генерал-майор (1916). Начальник штаба 7-й пехотной дивизии (15.01–26.01.1917). Начальник Отдельной Черноморской морской десантной дивизии, находившейся в стадии формирования (26.01–14.05.1917). И. д. начальника штаба 5-й армии (24.05–22.09.1917). За косвенную поддержку Корнилова отстранен от должности. В марте 1918 г. добровольно вступил в Красную армию. В годы Гражданской войны занимал штабные должности, после ее окончания на преподавательской работе в военно-учебных заведениях РККА. В 1931 г. по делу «Весна» приговорен к 5 годам лагерей, освобожден досрочно. Комбриг (1935). Комдив (1936). Арестован в 1937 г. по обвинению в участии в офицерско-монархической организации и военно-фашистском заговоре. Расстрелян. В 1956 г. реабилитирован. Автор трудов по военной истории, тактике и стратегии.

⁴⁴ Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918), генерал от кавалерии (1910). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1876) и Николаевскую академию Генерального штаба (1883). Начальник Генерального штаба (22.02.1911–04.03.1914). С 04.03.1914 г. командующий войсками Варшавского военного округа и варшавский генерал-губернатор. После объявления мобилизации назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. После неудач в Восточной Пруссии снят (03.09.1914) с постов главнокомандующего армиями и генерал-губернатора и переведен в распоряжение военного министра. В 1915–1916 гг. представлял русское командование в Союзнном совете во Франции. Осенью 1916 отозван в Россию. В сентябре 1917 г. уволен в отставку. Расстрелян большевиками.

⁴⁵ Самсонов Александр Васильевич (1859–1914), генерал от кавалерии (1910). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1877) и Николаевскую академию Генерального штаба (1884). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. В июле 1914 г. назначен командующим 2-й армией Северо-Западного фронта. Во время

бой, далеко не закончив свою мобилизацию и, возможно, что это обстоятельство сильно повлияло на постигшую ее катастрофу.

Я не мог в точности узнать всей закулисной стороны этой злосчастной операции, но приблизительно из различных слышанных разговоров представляю ее себе таким образом: мы начали наступать, не собрав всех предназначавшихся для этого войск, вследствие чего между 1-й и 2-й армиями не было должной связи. Ренненкампф⁴⁶ начал операцию с четырьмя корпусами и по переходе границы вступил в бой сначала у Сталупенена,⁴⁷ а затем у Гумбинена.⁴⁸ Бой продолжался три дня, и, по словам очевидцев, тактический успех был скорее у немцев, тем не менее они в ночь на 20 августа быстро отступили и оторвались от наших войск. Ренненкампф послал в Ставку победную телеграмму, а сам почил на лаврах и даже, имея огромную кавалерию, не позаботился узнать о направлении немецкого отхода. В Ставке, получив известие о блестящей победе, воспрянули духом и решили, что покончить с разбитыми немцами, имея свежую армию, совершенно пустая задача, и потому стали усиленно нажимать на Самсонова. Последний был вынужден выступить с совершенно неустроенным тылом, почему его войска начали терпеть нужду во всем еще до встречи с неприятелем, но тем не менее при первых столкновениях имели некоторый успех. Между тем Гинденбург⁴⁹ собрал кулак на нашем левом фланге, смял его и отрезал путь отступления 13-му и 15-му корпусам на юг. Два немецких корпуса из армии, действовавшей против Ренненкампфа, внезапно оказались на путях отступления на восток, и таким образом оба наших корпуса оказались окруженными и почти целиком погибли. Ренненкампф после поражения Самсонова был вынужден остановиться и занял оборонительную позицию на Ангерат.

В Ставке после донесения Ренненкампфа о победах царило торжественное настроение. Начали поговаривать о торжественном въезде в Берлин. Обедая у великого князя, я слышал его беседу с сербским военным агентом полковником Лоткиевичем⁵⁰ по поводу двух одновре-

---

боев в Восточной Пруссии в августе 1914 г. его армия потерпела поражение, ее основные силы были окружены в Комусинском лесу. При выходе из окружения застрелился.

⁴⁶ *Ренненкампф* Павел-Георг Карлович фон (1856–1918), генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант (1912). Окончил Гельсингфоргское пехотное юнкерское училище (1873) и Николаевскую академию Генерального штаба (1882). Участник Китайского похода 1900–1901 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1905 г. активно участвовал в подавлении беспорядков в Восточной Сибири. В начале Первой мировой войны командующий 1-й армией. Многими урапатриотическими деятелями обвинялся в измене, приведшей к катастрофе 2-ю армию Самсонова; обвинения базировались главным образом на немецкой фамилии генерала. В ноябре 1914 г. снят с должности и переведен в распоряжение военного министра. 6 октября 1915 г. уволен от службы. После Февральской революции был арестован, однако Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства не нашла фактов для выдвижения против него обвинения. После Октябрьской революции освобожден и уехал в Таганрог. После захвата города большевиками был арестован ЧК и, после отказа вступить в Красную армию, расстрелян по приказу В. А. Антонова-Овсеенко.

⁴⁷ Бой 17 августа 1914 г. в ходе Восточно-Прусской операции Русской армии между соединениями 1-го корпуса 8-й германской армии генерала Притвица и 3-го и 2-го корпусов 1-й русской армии генерала Ренненкампфа. Бой не имел решительного результата.

⁴⁸ Сражение 20 августа 1914 г. между теми же противниками в Восточной Пруссии, завершившееся победой русских войск. Имело стратегические последствия, так как означало крах германских расчетов на быстрый разгром противников по очереди.

⁴⁹ *Гинденбург* (фон Бенкендорф унд фон Гинденбург) Пауль Людвиг Ганс Антон фон (1847–1934), германский военный и политический деятель. Участник Австро-прусской 1866 и Франко-прусской 1870–1871 гг. войн. В 1911 г. в чине генерала пехоты вышел в отставку. В августе 1914 г. возвращен на службу и назначен командующим 8-й армией. Нанес в Восточной Пруссии поражение 1-й и 2-й русским армиям, превосходившим его силы более чем в два раза. Эта победа сделала его национальным героем Германии. С 1 октября 1914 г. главнокомандующий на Восточном фронте против России. Прусский генерал-фельдмаршал (02.11.1914). 29.08.1916 г. назначен начальником Генерального штаба. В 1919 г. вновь вышел в отставку. В период Веймарской республики дважды (1925 и 1932) избирался рейхспрезидентом Германии.

⁵⁰ *Лоткиевич* (Ланткиевич, Леонтьевич) Бранислав – глава сербской военной миссии в России подполковник (с 1916 г. полковник). Выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1899). Состоя сербским военным представителем при русской Ставке, внес большой вклад в дело формирования сербских добровольческих частей в России. 10 ноября 1917 г. вместе с другими руководителями военных миссий подписал протест против попыток большевиков заключить перемирие с противником. В 1918 году, в том числе и после заключения Брестского мира, продолжал вербовку добровольцев из военнопленных для участия в мировой войне, что противоречило интересам большевиков. Участвовал он и в секретном совещании военных представителей стран Антанты, проходившем в Киеве 16 января 1918 г., на котором обсуждались перспективы вос-

менных побед, нашей и сербской, причем он не скрывал своих надежд на скорое окончание войны. В Ставке говорили также, что армию Ренненкампа нужно двигать скорее к Варшаве и далее по направлению на Берлин, так как Самсонов и один справится с разбитыми немцами.

Перемена настроения стала замечаться только с 27 августа. Все лица, не принадлежавшие к оперативному отделению, получали обыкновенно сведения о ходе военных действий от так называемых ночных полковников. Это были дежурные офицеры, разбиравшие поступившие за ночь сведения о положении всех корпусов нашей армии и наносившие их на карту для доклада начальнику штаба и великому князю. Сведения сообщались за утранным кофе в вагоне-столовой, и когда полковники опаздывали из оперативной части, их обыкновенно ожидали и даже отказывались идти к своим занятиям.

27 августа полковники пришли несколько сумрачные и объявили, что идут бои и перемен нет. В следующие дни оказалось, что полковникам запрещено было давать какие-либо сведения о ходе операций до выпуска официального объявления, которое в отпечатанном уже виде появлялось после 12 часов. Объявления выходили в эти дни очень краткие, а о Северо-Западном фронте не было почти ничего. Все стали говорить тише, и, видимо, что-то надвигалось. Наконец 29 августа стало известно, что связь со 2-й армией прервана и Млава занята немцами. Окончательные сведения о катастрофе были получены уже 30 августа вечером. На другой день в Ставку приехал на автомобиле генерал-квартирмейстер Северо-Западного фронта генерал Леонтьев.⁵¹ Я его видел из окна вагона и по его виду заключил, что дело совсем плохо. В тот же день у меня был доклад у начальника штаба. Я нашел его с измученным лицом, сидящего за самоваром и хотел его утешить, но он только махнул рукой, не читая подписал принесенные мною бумаги и отпустил меня.

Скоро катастрофа выяснилась окончательно, и понемногу стали собираться беглецы из погибших корпусов. Из 13-го вернулись лишь отдельные люди, а из 15-го собралось до пяти тысяч, причем некоторые роты и команды пришли целиком. Это те части, начальникам которых при катастрофической обстановке удалось сохранить присутствие духа и дисциплину в своих частях, при твердом желании не сдаваться врагу. Им пришлось двигаться ночью и днем, скрываться в лесах, зачастую не имея ни пищи, ни питьевой воды. Кроме этих корпусов пострадали сильно части 23-го корпуса и почти целиком погиб гвардейский Кексгольмский полк.

Когда начали судить и ридить о причинах нашего поражения, то приводили всевозможные доводы. Говорили, что во всем виноват генерал Жилинский, командовавший издалека и стеснявший командующего армией, виноват командир первого корпуса генерал Артамонов,⁵² не сумевший удержать нашего левого фланга, виноват генерал Благовещенский,⁵³ вводивший

становления Восточного фронта и использования сербских и чехословацких войск в России. 18 августа 1918 г. чекисты арестовали сербскую военную миссию при посольстве в Москве во главе с полковником Лонткиевичем и одновременно совершили обыск в петроградском посольстве. Осенью покинул Россию.

⁵¹ *Леонтьев* Владимир Георгиевич (1866 —?), генерал-майор (1911). Окончил 1-е военное Павловское училище (1885) и Николаевскую академию Генерального штаба (1891). Генерал-квартирмейстер штаба Варшавского военного округа (1913). В августе 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта. С 17.09.1914 генерал для поручений при командующем 2-й армией. С 25.08.1915 командовал 77-й пехотной дивизией. Генерал-лейтенант (1916). 30.09.1917 снят с должности и назначен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа.

⁵² *Артамонов* Леонид Константинович (1859–1932), генерал от инфантерии (1913). Окончил 2-е военное Константиновское и Михайловское артиллерийское училища (1879), Николаевскую академию Генерального штаба (1888). Участник Ахал-Текинской экспедиции 1879 г., кампаний 1880–1881 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг. 17.03.1911 назначен командиром 1-го армейского корпуса. За крайне неудачное руководство войсками корпуса во время похода в Восточную Пруссию в августе 1914 г. распоряжением командующего 2-й армией генерала Самсонова был 15.08.1914 отстранен от должности. После этого состоял в резерве и только в конце января 1917 г. назначен начальником 18-й Сибирской стрелковой дивизии. В апреле 1917 г. уволен в отставку. После Октябрьской революции остался в Советской России, работал в различных государственных учреждениях.

⁵³ *Благовещенский* Александр Александрович (1854 —?), генерал от инфантерии. Окончил 3-е военное Александровское училище (1872) и Николаевскую академию Генерального штаба (1878). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878) и Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 01.09.1912 командир 6-го армейского корпуса. После похода в Восточную Пруссию

свой корпус в бой по частям, виноваты германская тяжелая артиллерия и бронированные автомобили, которых у нас не было и которые подавляли моральные качества наших войск, виновата неоконченная мобилизация и т. д. Это были суждения массы, но я слышал и суждения отдельных серьезных лиц, которые приводили другие причины. Они говорили, что в этом бою выяснилось прежде всего превосходство немецкой военной школы, военного искусства и военной дисциплины. Выяснилась неподготовленность нашей армии к маневренному бою крупными частями войск, выяснилось неумение наших частей держать связь как между собою, так и с высшими и низшими инстанциями. Выяснилось отсутствие инициативы у начальников и руководящей военной идеи, проникающей во все слои от мала до велика. Все остальные вышеприведенные причины, если и существовали, то не имели решающего значения.

Урок был дан: Гинденбург с меньшим числом войск наголову разбил нашу 2-ю армию. Нужно было отдать себе ясный отчет в причинах поражения и приступить к врачеванию своих недостатков, благо обстановка позволяла это сделать.

Немцы, будучи слабы численно, не могли предпринять серьезной наступательной операции на нашем фронте и давали нам возможность подготовиться к новым действиям. На самом деле этого сделано не было. Сменили нескольких командиров корпусов и начальников дивизий и на этом успокоились, отдав на жертву общественному мнению генерала Самсонова, благо он пропал без вести. На мой вопрос у начальника оперативного отделения, кто занимается изучением уроков этой войны и проведением в жизнь новых тактических инструкций, я получил ответ, что это делается в штабах фронтов, а когда вскоре после того я обратился с тем же вопросом к полковнику Генерального штаба, приехавшему с Северо-Западного фронта, мне ответили, что это дело Ставки. На самом деле этим никто не занимался и стали заниматься только спустя год, когда начальником штаба сделался генерал Алексеев. Таким образом, весь опыт войны в продолжение целого года никем не собирался, и каждый участник войны приобрел опыт в своем деле без всяких пособий. Отсюда ясно, сколько было принесено напрасных жертв и сколько энергии растрчено непродуктивно.

Галицийская операция

На австрийском фронте дело шло лучше. Во-первых, вследствие войны с сербами, австрийская мобилизация и сосредоточение несколько запоздали, что дало нам возможность стянуть значительные силы к моменту их наступления, тем не менее первоначальный успех был с их стороны. Они потеснили 4-ю армию генерала Зальца⁵⁴ и обрушились главными силами на 5-ю армию генерала Плеве.⁵⁵ Положение его было весьма тяжелое, но он вышел из него блестящим образом, неся тяжелые потери и отступая шаг за шагом, защищая каждую пядь земли. Южная группа генерала Рузского⁵⁶ между тем наступала форсированным маршем, разбила

26.08.1914 снят с должности и в марте 1915 г. уволен в отставку.

⁵⁴ *Зальц* Антон Георгиевич фон (1843–1916), барон, генерал от инфантерии (1908). Окончил Николаевское училище гвардейских юнкеров. Участник Польской кампании 1863 г., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 07.02.1912 назначен командующим войсками Казанского ВО, а 19.06.1914 командующим 4-й армии. Сразу же после неудачи его армии в первом же бою с австро-венгерскими войсками (10–12.08.1914 г.) был отстранен от командования, а затем официально освобожден от должности. В дальнейшем занимал должность командующего войсками Казанского ВО (24.09–18.10.1914), коменданта Петропавловской крепости (с 08.11.1914), исполнял должность главного начальника Петроградского ВО (18.11.1914–31.03.1915).

⁵⁵ *Плеве* Павел Адамович (1850–1916), генерал от кавалерии (1907). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1870) и Николаевскую академию Генерального штаба (1877). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны. С 17.03.1909 командующий войсками Московского ВО. 19.07.1914 назначен командующим 5-й армии, командование которой было создано на базе управления Московского ВО. Руководил русскими войсками в ходе Лодзинской операции в начале ноября 1914 г. 06.12.1915 назначен главнокомандующим армиями Северного фронта вместо генерала Рузского. 10.02.1916 по состоянию здоровья освобожден от командования. 05.02.1916 назначен членом Государственного совета.

⁵⁶ *Рузский* Николай Владимирович (1854–1918), генерал от инфантерии (1909). Генерал-адъютант (1914). Окончил 2-е военное Константиновское училище (1872) и Николаевскую академию Генерального штаба (1881). Участник Русско-японской войны. С 19.07 по 03.09.1914 командовал 3-й армией. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта

австрийцев на Золотой и Гнилой Липе, заняла Львов и стала угрожать правому флангу и тылу главной массы австрийских войск. Прибытие новых корпусов позволило нам начать наступление на левый фланг австрийцев, прикрываясь Вислой, и таким образом они подверглись риску быть охваченными с двух сторон. Плеве был спасен, так как австрийцы были вынуждены к перемене плана действий. Они бросились главными силами на Рузского и Брусилова,⁵⁷ чтобы парализовать создавшееся для них тяжелое положение, но Плеве быстро оправился и в свою очередь перешел в наступление. Его прибытие к месту боя решило Галицийскую операцию. Австрийцам пришлось спешно отступить, и вся Галиция, кроме крепости Перемышль, попала в наши руки.

Из рассказов очевидцев у меня сложилось следующее мнение об этой операции. Мы победили благодаря численному превосходству, так как австрийская армия была подготовлена к войне хорошо, но славяне-солдаты совершенно не желали воевать с Россией и при первой возможности охотно сдавались в плен. Что касается до командного состава, то он действовал прекрасно. Движения австрийцев были быстры и всегда разумны. Благодаря хорошему командованию, австрийцы очень счастливо вышли из тяжелого положения, не оставив в приготовленном для них стратегическом мешке ни одной крупной войсковой части, хотя общее число пленных было очень велико.

Наибольшая заслуга в Галицийской операции принадлежит, безусловно, генералу Плеве, выдержавшему главный удар и быстро от него оправившемуся, с тем чтобы самому явиться на решительный пункт в решительный момент.

Мне пришлось видеть генерала Плеве один только раз, когда он приезжал в Ставку уже год спустя в качестве главнокомандующего Северным фронтом. Маленький хромым человек с неприятным и злым лицом. Подчиненные его не любили за сухость, граничащую с жестокостью. Он не был талантлив, но был систематик с громадной волей и упорством. Внушая страх подчиненным, он заставлял их работать, напрягая все силы, а в случае неудач безжалостно сгонял с мест. Этой системой он выбирал из своих войск все, что они могли дать, а потому почти не имел неудач. Рассказывают, что его начальник штаба генерал Миллер⁵⁸ шутя говорил, что, когда умрет, завещает написать на своем памятнике: «он был начальником штаба у Плеве», считая, что всякий человек его поймет и пожалеет.

В Ставке впечатление от Галицийской победы было чрезвычайно радостное. Все ходили как именинники, и поражение под Сольдау как будто стерлось из памяти. Я сам в это время очень тяжело переживал наши неудачи. Помню, как под влиянием известий о тяжелом положении Плеве я пошел в церковь помолиться и вошел туда в самый момент молебного пения «разумейте, языцы, яко с нами Бог». Это мне показалось хорошим предзнаменованием, и действительно, возвращаясь из церкви в вагон, я встретил бегущего с телеграммой в руке полков-

(03.09.1914–17.03.1915). Командующий 6-й армией (30.06–18.08.1915). Главнокомандующий армиями Северного фронта (18.08–06.12.1915 и 01.08.1916–25.04.1917). Во время Февральской революции участвовал в давлении высшего командования на Николая II с целью добиться его отречения от престола. 25.04.1917 уехал лечиться в Кисловодск. В сентябре 1918 г. зверски убит красными в числе большой группы заложников.

⁵⁷ *Брусилов* Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915). Образование получил в Пажеском корпусе (1872). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Генерал-майор (1901). Генерал-лейтенант (1906). 19.07.1914 назначен командующим Проскуровской группы, преобразованной 28.07.1914 в 8-ю армию. 17.03.1916 назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом. С 21.05 по 19.07.1917 Верховный главнокомандующий. С 1919 г. в Красной армии.

⁵⁸ *Миллер* Евгений-Людвиг Карлович (1867–1939), генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1886) и Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Начальник штаба Московского ВО (1912), с 19.07.1914 начальник штаба 5-й армии, управление которой создано на базе командования округа. С 14.01.1915 начальник штаба 12-й, а с 18.01.1915 – вновь 5-й армии. 28.12.1916 назначен командиром 26-го армейского корпуса в составе Особой армии. С 13.01.1919 по 19.02.1920 командовал белыми войсками на севере России. Генерал от кавалерии (1919). В эмиграции один из руководителей Русского общевоинского союза (РОВС); после похищения и убийства чекистами председателя РОВСа генерала Кутепова возглавил эту организацию. 22.09.1937 был похищен чекистами в Париже, тайно вывезен в СССР и расстрелян.

ника Александрова,⁵⁹ громко кричащего: «Победа, победа!». Телеграмма была о победе генерала Рузского над Брудерманом.⁶⁰

Учреждение речных флотилий

В это время окончательно выяснилось, что в Балтийском море нам ничто не угрожает. Связанный английским флотом, германский не рисковал предпринимать ничего серьезного в наших водах, и, кроме того, надвигалась зима, которая должна была прекратить всякую деятельность в Финском и Рижском заливах. В нашем управлении возникла мысль оказать посильную помощь нашей армии, которая вылилась в предложение организовать речные флотилии на Висле и на Немане. Я доложил начальнику штаба об этом предложении, и он отнесся очень сочувственно и командировал меня в штаб Северо-Западного фронта, чтобы сговориться о деталях с чинами штаба. Я выехал на автомобиле вместе с капитаном 2-го ранга Бубновым в Белосток, где находился штаб фронта. Путь пролегал по хорошему стратегическому шоссе, и расстояние было около 350 верст, но мы все-таки ухитрились заблудиться и попали в Рожаны,⁶¹ сделав сорок лишних верст. Тем не менее я об этом не жалел, так как увидел остатки прежнего величия – замок князей Сапег-Рожинских.⁶² От величественного дворца осталось целым только одно крыло, построенное в стиле ренессанс, в котором помещался лесопильный завод какого-то купца и массивные ворота без ограды с огромным щитом, украшенным гербом рода Сапег-Рожинских: «*Sic transit Gloria mundi*»!⁶³

По приезде в Белосток⁶⁴ мне в тот же вечер удалось повидать главнокомандующего генерала Жилинского и его начальника штаба генерала Орановского.⁶⁵ Я им изложил наше предложение, которое оба горячо одобрили, и затем спросил, может ли флот быть еще чем-нибудь полезен. Генерал Жилинский, видимо, не утратил своего оптимизма после катастрофы 2-й армии и сейчас же заявил, что надеется на содействие морской тяжелой артиллерии для осады немецких крепостей и в особенности Торна.

Генерал Орановский ничего не говорил, но только нервно ерзал на стуле. Когда я к нему зашел на квартиру, спустя некоторое время, он заговорил другим языком, чем генерал Жилинский. Он мне прямо и откровенно сказал, что левый фланг генерала Ренненкампа висит в воздухе и может быть легко обойден, что ни о каких осадах нечего и думать, а дал бы Бог удержаться на Немане, если немцы перейдут в наступление. Ближайшее будущее показало, что он был прав.

На другой день я вернулся в Ставку тем же порядком, а Бубнова послал по железной дороге к Ренненкампу для переговоров относительно Неманской речной флотилии, но там

---

⁵⁹ Александров Леонид Капитонович (1876–1933), полковник (1913). Окончил Московское военное училище (1898) и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник Русско-японской войны. Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (25.07.1914–08.05.1916). В 1918 г. добровольно пошел на службу в Красную армию.

⁶⁰ Речь идет о событиях августа 1914 г. 5-я армия Плеве выдержала сражение под Томашовом против превосходящих сил противника, а 3-я русская армия генерала Рузского одержала победу над 3-й австрийской армией генерала Брудермана при Золочеве (сражение на Золотой Липе).

⁶¹ Местечко в Слонимском уезде Гродненской губернии.

⁶² Местечко издавна принадлежало Сапегам, во дворце с конца XVIII в. располагалась суконная фабрика.

⁶³ Так проходит слава мира! (*лат.*)

⁶⁴ Уездный город Гродненской губернии. Ныне в Польше, центр Подлясского воеводства.

⁶⁵ Орановский Владимир Алоизиевич (1866–1917), генерал-лейтенант (1910). Окончил Пажеский корпус (1884) и Николаевскую академию Генерального штаба (1891). Участник Китайского похода 1900–1901 гг. и Русско-японской войны. Начальник 14-й пехотной дивизии (01.05.1910–23.08.1913). С 23.08.1913 г. начальник штаба Варшавского ВО. Начальник штаба Северо-Западного фронта (19.07.1914–31.01.1915). Генерал от кавалерии (25.10.1914). В дальнейшем командовал корпусами. 26.07.1917 переведен в резерв чинов при штабе Петроградского ВО. С 09.08.1917 состоял в распоряжении главнокомандующего армиями Северного фронта. После подавления выступления генерала Корнилова арестован в Выборге. Убит солдатами.

уже готовилась катастрофа. Бубнов застал Ренненкампа в Инстербурге,⁶⁶ где была его штаб-квартира, в самом радужном настроении. Ренненкампа его хорошо принял и говорил, что на днях начнет наступление, так как имеет достаточно войск. Но на другой день уже в штабе началось беспокойство, а на третий был отдан приказ о спешном отступлении. Оказывается Гинденбург сосредоточил свои лучшие войска между озерами и бросил эту ударную группу узким Леценским проходом, оставив против нашего центра и правого фланга ландштурмистов и резервные войска. План был смел и даже дерзок, но он удался. Наш левый фланг, подвергшийся нападению превосходных сил, был быстро смят и отброшен, и нам угрожало повторение Самсоновской катастрофы, но быстрое отступление устранило катастрофу. Тем не менее мы потеряли часть артиллерии и обозов, попавшихся в руки неприятеля. При постоянном отступлении корпуса перемешались, и командующий потерял с ними связь; некоторые части продолжали отходить и за Неманом, так что их пришлось потом возвращать. В Ставке создалось в начале впечатление, что армия совершенно разгромлена, и потом были приятно удивлены, получив телеграмму Ренненкампа, где он сообщал о незначительных потерях и что он надеется скоро опять перейти в наступление. Эта телеграмма временно его спасла, но главнокомандующий фронтом генерал Жилинский был заменен генералом Рузским. Как я потом узнал, начальник штаба первой армии генерал Милеант⁶⁷ находился в таких отношениях с командующим, что был им фактически устранен от всякого дела, и вообще генерал Ренненкампа не советовался ни с кем из компетентных чинов своего штаба, а окружил себя несколькими любимцами из молодежи.

Тем временем я написал морскому министру о желательности учреждений речных флотилий на театре военных действий, и министр, отнесшийся к предположению очень сочувственно, сейчас же назначил гвардейский экипаж и две роты от флотских команд для отправки на театр военных действий. Гвардейский экипаж выделил два батальона двухротного состава, из коих первый под командой капитана 1-го ранга князя Ширинского-Шихматова⁶⁸ направился в Ковно⁶⁹ на Неман, а второй под командой капитана 1-го ранга Полушкина⁷⁰ в Новогеоргиевск⁷¹ на Вислу. Третий батальон морских команд под командой капитана 1-го ранга Мазу-

⁶⁶ Город в Восточной Пруссии, с 1946 г. – Черняховск, районный центр Калининградской области СССР и РФ.

⁶⁷ *Милеант* Гавриил Георгиевич (1864–1936), генерал-лейтенант (1913). Окончил 1-е военное Павловское и Николаевское инженерное училища (1884), Николаевскую академию Генерального штаба (1894). Участник Русско-японской войны. Генерал-майор (1906). Начальник штаба Виленского ВО (1913). С началом войны возглавил штаб 1-й армии, сформированный на базе штаба. Отстранен по настоянию командующего армией генерала Ренненкампа. В период с сентября 1914 по конец сентября 1915 г. начальник 4-й пехотной дивизии, затем был назначен начальником Главного военно-технического управления. После Февральской революции отстранен от должности. В апреле 1917 г. назначен командиром 5-го армейского корпуса, в декабре того же года, получив отпуск, уехал на юг России. Состоял в рядах ВСЮР.

⁶⁸ *Ширинский-Шихматов* Сергей Александрович (1866–1916), князь, капитан 1-го ранга (1912). Участник Русско-японской войны. Адьютант великого князя Кирилла Владимировича (1908–1910). В начале Первой мировой войны – командир 2-го отдельного батальона Гвардейского экипажа (1914–1915), затем штаб-офицер для поручений по строевой части при управлении начальника морских батальонов и речных флотилий в действующей армии, начальник 1-го отряда Транспортной флотилии Черного моря. 12.08.1916 уволен в отставку с производством в контр-адмиралы.

⁶⁹ Город в Литве, с 1842 г. центр Ковенской губернии. Литовское наименование – Каунас. В 1920–1940 гг. – временная столица Литовской республики.

⁷⁰ *Полушкин* Александр Сергеевич (1877–1963), капитан 1-го ранга. Окончил Морской кадетский корпус (1896), гидрографическое отделение Николаевской морской академии (1904). Участник Русско-японской войны. С начала Первой мировой войны – командир 1-го отдельного батальона Гвардейского экипажа, с начала 1915 г. командир Отдельного батальона Гвардейского экипажа. Участник Белого движения. Служил в армии А. В. Колчака, возглавлял (с июня 1919 г.) Гидрографическое управление Морского министерства. Контр-адмирал. После окончания Гражданской войны в эмиграции в Югославии, затем в США. С 1951 г. – председатель Объединения офицеров Гвардейского экипажа.

⁷¹ Русская крепость на Висле, в 30 км от Варшавы. Построена на месте шведского укрепленного лагеря XVII в. наполеоновскими инженерами в 1807–1812 гг. в деревне Модлин. Расширена в 1830-х гг., с 1834 г. получила название крепость Новогеоргиевск. В конце XIX в. усилена линией фортов. В ходе Первой мировой войны захвачена германскими войсками 7 (20) августа 1915 г. Многочисленный русский гарнизон был пленен. Крепость оборонялась польским гарнизоном против германских войск в сентябре 1939 г. в ходе Второй мировой войны. Ныне территория крепости находится в черте города Новы-Двур-Мазовецки (Польша).

рова⁷² отправился в Ивангород.⁷³ Все три батальона участвовали в делах против неприятеля, а третий даже понес большие потери при отражении атак на Ивангород в период первого германского наступления на Вислу. Командовавший им капитан 1-го ранга Мазуров сделался правой рукой коменданта крепости Ивангород генерала Шварца⁷⁴ и так сумел рекламировать свою часть, что его батальон развернули в полк, а впоследствии даже в бригаду, причем сам он был произведен в генерал-майоры.

Выступление Турции

Между тем на юге уже назревали события, которые еще увеличили наш и без того колоссальный фронт. Проникновение германского влияния в Турцию началось уже давно, но после вторичного появления у власти младотурок с Энвером и Талаатом⁷⁵ во главе оно совершенно укрепилось. Управление турецкой армией перешло в руки немцев, и генерал фон Сандерс,⁷⁶ присланный в 1913 году с особой миссией от императора Вильгельма, сделался полным хозяином этого дела. Как противовес турецкий флот оставался в руках англичан,⁷⁷ но положение английского адмирала делалось все более и более трудным. Когда началась Мировая война,

⁷² Мазуров Георгий Николаевич (1867–1918), капитан 1-го ранга. Окончил Морской корпус (1887). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Во время Первой мировой войны командир отдельного батальона 2-го флотского экипажа. Генерал-майор флота (1915). В 1916 г. назначен начальником Морской бригады особого назначения и командовал ею до революции. В 1917 г. вышел в отставку, жил в Петрограде. После убийства Урицкого взят большевистскими властями в заложники и вместе со своим старшим братом Николаем расстрелян (по другим данным, утоплен в барже в Финском заливе, около Кронштадта).

⁷³ Русская крепость на Висле, возле города Демблин. Построена в 1832–1847 гг. В 1872–1882 гг. основное пятиугольное укрепление дополнено кольцом из шести фортов по плану Тотлебена. В 1909 г. крепость упразднена как устаревшая. Восстановлена в 1913 г. К началу Первой мировой войны находилась в плохом состоянии. Восстановлена усилиями ее коменданта генерала А. В. Шварца. Опорный пункт русских войск во время Варшавско-Ивангородской операции.

⁷⁴ Шварц Алексей Владимирович фон (1874–1953), генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевское инженерное училище (1895) и Николаевскую инженерную академию (1902). Участник Русско-японской войны. После начала Первой мировой войны получил назначение в распоряжение начальника инженеров крепости Ивангород. С 13.08.1914 исполнял обязанности коменданта Ивангородской крепости, успешно действовал против австро-германских войск. В связи с общим отходом русских войск летом 1915 г. оставил крепость по приказу командования, организовав эвакуацию гарнизона и уничтожение укреплений. Начальник Трапезундского укрепрайона (23.07.1916–1917). После Октябрьской революции вступил в Красную армию. В марте 1918 г. после заключения Брестского мира уехал на Украину. Жил в Киеве, после свержения гетманского режима в конце 1918 г. бежал в Одессу. 21.03.1919 французским командованием назначен военным генерал-губернатором Одессы и командующим русскими войсками в союзной зоне Одессы, против чего безрезультатно возражал Деникин. После оставления французскими войсками Одессы в апреле 1919 г. уехал в Константинополь и далее в Италию, затем перебрался в Аргентину.

⁷⁵ Автор имеет в виду конституцию 1876 г., принятую под влиянием так называемых новых османов, от которой уже в 1878 г. отказался султан Абдул-Хамид II, установив деспотический режим. Идейными наследниками новых османов стали младотурки – сторонники модернизации политического строя и хозяйственной жизни Турции. Обращались к идеям пантюризма и панисламизма. Организационно возникли как тайное общество курсантов военно-медицинского училища в Стамбуле в 1889 г.; организация приняла наименование «Единение и прогресс». В результате младотурецкого переворота 1908 г. конституция 1876 г. была восстановлена, однако младотурки теряли популярность. Вовлекли Турцию в Первую мировую войну на стороне Центральных держав. М. Талаат-паша (1874–1921) – министр внутренних дел Османской империи (1909–1912, 1913–1917), великий визирь (1917–1918). Один из главных организаторов геноцида армянского населения империи. Бежал в Германию осенью 1918 г., убит в Берлине армянином из мести за геноцид армян 1915 г. Автор мемуаров, опубликованных в 1946 г. И. Энвер-паша (1881–1922) – убежденный германофил, один из организаторов геноцида армян, автор переворота в январе 1913 г., член правящего неофициального триумvirата (Джемаль, Талаат, Энвер). В 1914–1918 гг. – фактический глава турецких вооруженных сил. Бежал в Германию после капитуляции осенью 1918 г. Соперничал с К. Ататюрком, сотрудничал с Лениным, пытался синтезировать большевизм и ислам, выступал и как пантюрист. Перешел на сторону басмачей, убит в бою с красноармейцами в 1922 г.

⁷⁶ Сандерс (Лиман фон Сандерс) Отто (1855–1929), германский генерал, военный советник в Турции во время Первой мировой войны. Мушир (маршал) турецкой армии (1914). Окончил Военную академию (1881). В 1913 г. был направлен во главе группы германских офицеров в Османскую империю для реорганизации ее армии. Прославился обороной Дарданелл от сил Антанты (февраль 1915 – январь 1916). 25.02.1918 занял пост командующего турецко-германскими войсками в Палестине, где осенью потерпел поражение от англичан. После войны в отставке.

⁷⁷ Имеется в виду миссия адмирала Лимпуса, заведовавшего обучением личного состава турецкого флота. После назначения адмирала Сушона (немца) командующим турецким флотом, а «Вебер-паши» (немца) комендантом Дарданелльских укреплений Великобритании отозвала миссию Лимпуса.

англичане реквизируют все находившиеся у них в постройке иностранные корабли, в том числе два турецких дредноута. Турки заявили горячий протест и попросили английскую морскую миссию удалиться. Одновременно они объявили мобилизацию своей армии, объяснив это как предохранительную меру. Тем не менее положение Турции было еще вполне неопределенное. С реквизицией своих дредноутов Турция была гораздо слабее России на Черном море, а сухопутные пути сообщения с Арменией были настолько трудны, что Россия совершенно могла не бояться серьезного удара по Кавказу. Германцы также не торопились вовлекать Турцию в войну, пока надеялись справиться сами, не желая ни с кем делиться добычей, но Марнское⁷⁸ и Галицийское сражения решили вопрос окончательно, тем более что с приходом в Босфор линейного крейсера «Гёбен» и легкого крейсера «Бреслау» являлась возможность оспаривать владение Черным морем у русских.

Война застала «Гёбена» и «Бреслау» в итальянских портах. Контр-адмирал Сушон,⁷⁹ командовавший крейсерами, тотчас же снялся с якоря и направился к французским африканским берегам и бомбардировал без серьезных результатов некоторые порты. Французская эскадра еще не подошла к африканским берегам, и встреча противников не состоялась. Немецкие крейсера отправились обратно и встретились с английскими крейсерами, но английский ультиматум истекал только в полночь, и командующему крейсерами контр-адмиралу Трубриджу⁸⁰ ничего не оставалось как последовать за немцами в ожидании истечения срока ультиматума.

Между тем немцы имели больший ход, а у англичан к тому же уголь был на исходе, и они скоро потеряли друг друга из виду. Адмирал Сушон пополнил свой уголь в одном из сицилийских портов и сейчас же снова вышел на восток. Ему предстояло три дилеммы: прорваться в Адриатическое море на соединение с австрийским флотом, интернировать в нейтральном порту или искать почетной смерти в неравном бою. Адмирал Сушон правильно решил, что прорваться в Адриатическое море ему не удастся, так как там наверное его стерегут превосходящие силы, а потому рискнул походом в далекий Константинополь, где он рассчитывал быть принятым как друг. Ему посчастливилось, так как навстречу попался только один маленький английский крейсер «Глочестер», который пробовал следовать за немцами, телеграфируя непрерывно своему адмиралу о всяком изменении из курса, но и у него скоро не хватило угля, вследствие чего пришлось прекратить преследование. Таким образом «Гёбен» и «Бреслау» беспрепятственно добрались до Дарданелл. Прибывшие на другой день англичане и французы с требованием немедленного разоружения германских крейсеров были поставлены перед совершившимся фактом. Им объявили, что «Гёбен» и «Бреслау» куплены турецким правительством у германцев и уже подняли турецкие флаги. На самом деле покупка выразилась тем, что адмирал Сушон и его офицеры надели фески вместо форменных немецких фуражек, а все остальное осталось по-старому.

⁷⁸ Сражение 5–12 сентября 1914 г. между наступающими германскими и контратакующими англо-французскими войсками в ходе Первой мировой войны. Германские войска были вынуждены отступить, что означало крах германских планов блицкрига и быстрого вывода Франции из войны.

⁷⁹ *Сушон* Вильгельм Антон (1864–1946), германский адмирал. С 23.10.1913 командовал Средиземноморской эскадрой, состоявшей из линейного крейсера «Гёбен» и легкого крейсера «Бреслау». В августе 1914 г. увел эскадру в Черное море, где она номинально вошла в состав турецкого флота. Руководил боевыми действиями германо-турецкого флота против России на Черном море, пользовался широкими полномочиями. В 1917 г. вернулся в Германию и возглавил 4-ю эскадру линейных кораблей Флота Открытого моря. 30.10.1918 назначен начальником морской базы Балтийского моря. В 1919 г. вышел в отставку.

⁸⁰ *Трубридж* сэр Эрнест Чарльз Томас (1862–1926), британский контр-адмирал (1911). В 1913 г. был назначен командиром Средиземноморской крейсерской эскадры в составе крейсеров «Дефенс», «Блэк Принс», «Дьюк оф Эдинбург» и «Уорриор». Летом 1914 г. не сумел перехватить немецкую эскадру адмирала Сушона в составе крейсеров «Гёбен» и «Бреслау». Был предан суду и, несмотря на оправдание, получил менее престижное назначение главой военной миссии в Сербии. Принимал участие в Салоникской экспедиции, был назначен адмиралом Дуная. В 1919 г. получил звание адмирала и вошел в Европейскую комиссию по Дунаю.

Прибытие «Гёбена» в Босфор сильно изменило обстановку на Черном море не в нашу пользу. «Гёбен» был вполне современный линейный крейсер-дредноут,⁸¹ а наши два дредноута «Императрица Мария» и «Екатерина Великая» были далеки от окончания.⁸² «Гёбен» имел 27 узлов хода, крепкую броню и десять 11-дюймовых орудий в пяти бронированных башнях. Мы могли ему противопоставить четыре старых броненосца с 15-узловым эскадренным ходом, сравнительно слабо бронированных и вооруженных все вместе шестнадцатью 12-дюймовыми орудиями старого чертежа. У нас было преимущество только в артиллерии, но десять орудий «Гёбена» помещались все на одной платформе и стреляли более метко и значительно быстрее, чем наши. Скорость хода «Гёбена», почти вдвое превышавшая нашу, позволяла ему быть господином положения и вступать или прекращать бой тогда, когда ему заблагорассудится.

Мы считали, что с прибытием «Гёбена» война с Турцией стала неминуема, и Черноморский флот получил инструкцию быть готовым к внезапному нападению. Были приняты надлежащие меры: Севастопольский, Одесский и Батумский порты были минированы крепостными минами, а где таковых не было – минами заграждения. В Одессе были поставлены для охраны лодки «Донец», а в Батуме – «Терец». Черноморский флот упражнялся в маневрах и стрельбах в предположении боя с «Гёбеном», но время шло, а нападения все не было. Как всегда бывает, энергия начала ослабевать, и начинали высказываться мнения, что войны, может быть, и не будет. А в Константинополе происходило следующее.

Как выше было сказано, германцы, надеясь сами справиться, вначале удерживали военный пыл турок, говоря им, что еще не время для их выступления, но после своих первых крупных неудач круто изменили политику, настаивая на немедленном выступлении. Турецкое правительство во главе с великим визирем, наоборот, вдруг перешло в миролюбивое настроение, и между ним и немцами почувствовался холодок. Только Энвер и Талаат остались сторонниками войны. В защиту их непримиримости должен, впрочем, сказать, что наша победа над немцами не сулила туркам ничего хорошего. Еще за год до войны в наших правящих кругах был поставлен вопрос о завладении Константинополем, и было преподано высочайшее указание разрабатывать план нужных для этого операций. Я присутствовал на одном заседании под председательством морского министра и с участием министра иностранных дел. Сазонов⁸³ тогда открыто высказал свое мнение, что он лично предпочитает нынешнее «status quo» завоеванию проливов, которое неизвестно к каким бедам и столкновениям нас может привести. Как ни приятно иметь ключ от своего дома в кармане, а таковым ключом был Босфор для Черного моря, но все же Розанов⁸⁴ был прав: Константинополь не такой орешек, который легко было разгрызть, в особенности при нашем больном внутреннем организме, что уже показала Японская война и последующие за ней события. Удивительно, что, несмотря на такое решительное мнение министра иностранных дел, все же мы получили высочайшее повеление разрабатывать операцию на Константинополь.

⁸¹ Линейный крейсер.

⁸² Введены в строй, соответственно, в июле и октябре 1915 г.

⁸³ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), российский дипломат и государственный деятель. Действительный статский советник (1907). Гофмейстер высочайшего двора (1910). Окончил Александровский лицей. С 1883 г. на службе в МИДе. Свояк П. А. Столыпина, чему, по мнению многих современников, был обязан своей успешной карьерой. С 04.09.1910 управляющий МИДом Российской империи; с 08.11.1910 по 07.07.1916 – министр иностранных дел. На этом посту ориентировался на интересы Антанты, поэтому его отставка вызвала недовольство послов Великобритании и Франции, а также думских либералов. С января 1913 г. член Государственного совета. После Октябрьской революции активный участник Белого движения. Член Особого совещания при верховном руководителе Добровольческой армии генерале М. В. Алексееве. В 1918–1920 гг. был членом правительств при генерале Деникине и адмирале Колчаке, их представителем в Париже на мирной конференции. Член Русского политического совещания.

⁸⁴ Розанов Василий Васильевич (1856–1919), русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

Туркам, конечно, стало известно о наших намерениях от немцев, которые все знали, что у нас делается, и, естественно, что они не возымели к нам особых симпатий. Тем не менее, когда германцы предъявили туркам категорическое требование о начале военных действий, совет министров значительным большинством отклонил это предложение, и Энвер, и Талаат решили форсировать события на свой страх и риск. Наш посол Гирс⁸⁵ уже послал в Петроград успокоительную телеграмму, когда адмирал Сушон атаковал одновременно Одессу, Севастополь, Батум и Новороссийск.

17/30 октября в 2 часа ночи два миноносца с установленными огнями подошли к входу в Одесскую гавань и беспрепятственно вошли в нее, так как бак не был закрыт и их приняли за своих. Немедленно же оба миноносца выпустили мины в стоявший у входа «Донец», одна из них попала.

«Донец» начал тонуть. Миноносцы развернулись и открыли огонь по нефтяному порту, но в то же время другая наша канонерская лодка «Кубанец», стоявшая у завода для исправлений, открыла огонь по ним. Тогда миноносцы вышли из гавани и благополучно вышли в море, произведя порядочную панику в городе и порте, но кроме потопления «Донца» серьезного вреда не причинили.

«Гёбен» появился перед Севастополем в 6 часов утра и открыл огонь по Севастопольскому рейду. Получив телеграмму из Одессы, суда уже разводили пары, но выйти в море еще не могли. «Гёбен» в это время гулял по нашему минному заграждению, разомкнутому в ожидании заградителя «Прут», который должен был прийти из Ялты с полным грузом мин, и дивизиона миноносцев, высланного в ночной дозор в сторону Евпатории. Командующий флотом побоялся отдать приказ замкнуть заграждение из страха погубить собственные суда, и «Гёбен», выпустив десяток безрезультатных снарядов по порту, повернул в море и тут обнаружил транспорт «Прут». Увидя легкую добычу, он тотчас же направился к нему и открыл огонь. Первые же его выстрелы дали попадания, и на транспорте возник пожар, угрожавший взрывом корабля, переполненного минами. Видя безвыходность положения, командир приказал открыть кингстоны и спускать шлюпки, что и было исполнено. «Гёбен» прекратил огонь и сам начал спускать шлюпки. Минный офицер лейтенант Рагузский,⁸⁶ чтобы ускорить затопление, бросился вниз и подорвал заранее приготовленный подрывной патрон, но, вероятно, сам пострадал от взрыва, так как наверх более не показывался и погиб смертью героя, спасая других. Также погиб судовой священник отец Антониу, не пожелавший покинуть корабль, на котором он служил десять лет. Честь и хвала этим героям! Остальная команда спаслась на шлюпках, и «Гёбен» завладел только одной из них, оставив другим спокойно идти к берегу. Покончив с «Прутом», «Гёбен» обнаружил четыре наших миноносца, идущих от Евпатории, и открыл огонь. Начальник дивизиона капитан 1-го ранга князь Трубецкой⁸⁷ пробовал его атаковать, но встреченный огнем и получив два попадания в свой флагманский миноносец «Лейтенант Пущин», вынужден был повернуть к берегу и благополучно добрался до Севастополя. Наши береговые батареи отве-

⁸⁵ Гирс Михаил Николаевич (1856–1932), российский дипломат, действительный статский советник (1895), камергер (1891). Окончил Пажеский корпус. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., после ее окончания перешел на службу в МИД. В 1911–1914 гг. чрезвычайный и полномочный посол в Османской империи. С 1915 г. посол в Италии. После Октябрьской революции, как старейший из русских дипломатов, находившихся за границей, возглавил Совет бывших послов. Входил в состав Русского политического совещания. Был представителем барона Врангеля при командовании союзников.

⁸⁶ Рагузский (Рогузский) Александр Владиславович (1887–1914), лейтенант (1913), старший минный офицер минного заградителя «Прут». Окончил Морской кадетский корпус. В 1908 г. участвовал в оказании помощи жителям Мессины. В 1911 г. окончил Минный офицерский класс. В 1912 г. назначен минным офицером на заградитель «Прут».

⁸⁷ Трубецкой Владимир Владимирович (1868–1931), князь, капитан 1-го ранга (1913). Окончил Морской корпус (1891), курс военно-морских наук Николаевской морской академии (1904). Участник Русско-японской войны, в ходе которой командовал одной из первых русских подводных лодок – «Сом». С 1912 г. служил на Черноморском флоте. Начальник 1-го дивизиона эскадренных миноносцев. 21.07.1916 назначен командующим Минной бригадой. Контр-адмирал (1916). В 1917 г., после начала матросских бунтов, был отправлен для командования Балтийской морской дивизией, находившейся на Дунае. В эмиграции в Париже.

чали на огонь «Гёбена», но стрельба носила беспорядочный характер и результатов не дала. Адмирал Эбергард,⁸⁸ командующий флотом, вышел в море только в 3 часа дня, когда фарватер был основательно протрален. Он вполне справедливо опасался, что «Гёбен» мог поставить мины на фарватер. Конечно, в это время неприятель уже был далеко.

Крейсер «Гамидие» утром того же числа появился перед Новороссийском и обстрелял порт, причем повредил два стоявших у молов парохода.

Крейсер «Бреслау» в то же время обстрелял безрезультатно Батум, произведя только панику среди жителей.

Разбирая действия немцев, нужно сказать, что хорошо задуманный план, рассчитанный на внезапность нападения, дал сравнительно слабые результаты: потоплена канонерская лодка, вскоре после того поднятая и исправленная, потоплен старый транспорт с грузом мин и повреждены два парохода, также скоро исправленные. Если бы не случайно благоприятствующее «Гёбену» выключение минного заграждения, то немцы были бы жестоко наказаны за свое вероломство.

Утром 10 октября великий князь меня потребовал к себе, наговорил кислых слов по поводу беспечности Черноморского флота и приказал немедленно ехать в Севастополь расследовать все на месте и доложить ему. В тот же день я выехал через Киев. Я доехал до Севастополя в трое суток. Адмирала я застал порядочно обеспокоенным, он уже ожидал смены, зная скорый и решительный характер великого князя, но я его успокоил, не скрыв, однако, что великий князь очень недоволен. В действительности он и не мог быть сменен, так как в соответствующих чинах у нас во флоте совершенно не было кандидатов на этот высокий пост. Адмирал Эбергард имел по крайней мере то преимущество, что он был благородный человек, лично очень храбрый и за эти его два качества уважаемый своими подчиненными. Черноморский флот всегда был хуже Балтийского по личному составу и в смысле готовности к войнам также сильно отставал от него. Приходилось надеяться, что, при некоторой осторожности, флот наверстает потерянное время уже во время самой войны. Фактическим распорядителем военных операций Черноморского флота являлся флаг-капитан оперативной части капитан 1-го ранга Кетлинский,⁸⁹ очень способный и толковый офицер, но беда была в том, что он, действительно возвышаясь над общим уровнем, не скрывал своего презрительного отношения к своим сослуживцам, больно бил их по самолюбию и вследствие этого заслужил общую ненависть. Недоверие к способностям и знаниям отдельных начальников вызывало общую централизацию всех распоряжений, что не способствовало успеху дела. Все до мелочей разрабатывалось в штабе флота, и отдельные начальники являлись механическими исполнителями, лишенными всякой инициативы.

Я пробыл в Севастополе два дня, убедился, что дух флота в общем хорош и встречи с «Гёбеном» не бояться, а также имел продолжительную беседу с адмиралом, начальником его штаба, контр-адмиралом К. А. Плансоном⁹⁰ и капитаном 1-го ранга Кетлинским. Было

---

⁸⁸ Эбергард Андрей Августович (1856–1919), адмирал (1913). Окончил Морской кадетский корпус (1878). Участник Китайского похода 1900–1901 гг. и Русско-японской войны. Контр-адмирал (1907), вице-адмирал (1909). Помощник начальника Морского генерального штаба (1906–1907), начальник Морского генерального штаба (1908–1911). В 1911 г. назначен командующим морскими силами (с 1914 г. – флотом) Черного моря. В 1916 г. снят с этой должности и заменен Колчаком. Член Государственного совета. С 13.12.1917 г. в отставке.

⁸⁹ Кетлинский Казимир Филиппович (1874–1918), капитан 1-го ранга (1914). Окончил Морской кадетский корпус (1895) и Артиллерийский офицерский класс (1902). Участник Русско-японской войны. Капитан 2-го ранга (1910). Во время Первой мировой войны флаг-капитан оперативной части штаба командующего флотом Черного моря (1913–1915). Флаг-капитан по оперативной части штаба командующего флотом Черного моря (1915–1916). 06.09.1916 прибыл в Тулон, где 10 сентября принял командование над крейсером «Аскольд», действовавшим на стороне морских сил Антанты на Средиземном море. В 1917 г. Временным правительством произведен в контр-адмиралы и назначен командовать мурманским укрепленным районом и мурманским отрядом судов. Убит неизвестными в Мурманске в феврале 1918 г.

⁹⁰ Плансон Константин Антонович (1861–1921?), русский вице-адмирал. Выпускник штурманского отдела Технического училища морского ведомства (прапорщик корпуса флотских штурманов в 1882 г.), окончил гидрографическое отделение

решено, что Черноморский флот получит главной задачей не допускать высадки неприятельского десанта на нашем побережье. Когда будет готов наш первый дредноут «Императрица Мария», задача будет изменена и начнется блокада Босфора.

Вернувшись в Ставку, я доложил обо всем виденном начальнику штаба, и задача Черноморскому флоту была утверждена.

Посещение государем Ставки

Вскоре после моего возвращения в Ставку состоялось первое посещение ее государем. Оно было ознаменовано наградами. Почти все получили ордена, в том числе и я Станислава 1-й степени. Великий князь получил Георгия 3-й степени. Государь приехал в поезде в сопровождении небольшой свиты, состоявшей из графа Фридрихса,⁹¹ князя Орлова,⁹² Воейкова,⁹³ князя Долгорукова,⁹⁴ адмирала Нилова⁹⁵ и полковника Дрентельна.⁹⁶ Все начальники управлений приглашались по очереди к обеду и к завтраку в вагоне-столовой. Я был приглашен один раз и для частной беседы с государем по поводу Черноморского флота. Признаюсь, что я чувствовал себя довольно скверно вследствие невозможности говорить всю правду. Нужно было бы сказать, что флот не подготовлен потому-то и потому-то, но это обозначало бы обви-

---

Николаевской морской академии (мичман в 1888 г.). С 1892 г. – член Императорского Русского географического общества. В 1900 г. зачислен в артиллерийские офицеры 1-го разряда. Флаг-капитан штаба командующего Практическим отрядом побережья Балтийского моря, флаг-офицер оперативного отдела штаба Кронштадтского порта (1904). Командир минного крейсера «Стерегающий» (1905), начальник 2-го дивизиона миноносцев (1907), командир крейсера «Олег» (1908–1911). В 1912–1916 гг. на Черном море: начальник минной дивизии, с 1913 г. начальник штаба командующего морскими силами (с августа 1914 г. – флотом) Черного моря. Вице-адмирал за боевое отличие (30.06.1915). Член Адмиралтейств-совета (1916). В 1920 г. остался в Севастополе после ухода Русской армии. По разным данным: скончался в Петрограде в 1920 или 1921 г. или убит в Севастополе большевиками в 1921-м.

⁹¹ *Фредерикс* (Фридрихс) Владимир Борисович (1838–1927), барон, с 1913 г. граф, генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1896), член Государственного совета (1905), шталмейстер двора (1891–1893). С 14.07.1897 – командующий императорской Главной квартирой; помощник министра императорского двора и уделов (1893–1897), министр императорского двора и уделов (1897–1917). Входил в ближайшее окружение Николая II, с началом Первой мировой войны сопровождал его во всех поездках. В марте 1917 г. был арестован, но вскоре освобожден. Жил в Петрограде. В 1924 г. с разрешения советского правительства выехал за границу, где и скончался.

⁹² *Орлов* Владимир Николаевич (1868–1927), князь, генерал-лейтенант (1915). Окончил Пажеский корпус (1889). С 1901 г. помощник начальника, 1906 г. начальник военно-походной канцелярии царя. Долгое время был одним из самых доверенных людей Николая II. Из-за негативного отношения к Распутину был удален от двора. С назначением великого князя Николая Николаевича наместником на Кавказ назначен (25.08.1915) в его распоряжение; с 16.11.1915 занимал пост его помощника по гражданской части. 31.03.1917 уволен в отставку. Эмигрировал во Францию.

⁹³ *Воейков* Владимир Николаевич (1868–1947), генерал-майор царской свиты Его Величества, дворцовый комендант (с 1913). Окончил Пажеский корпус (1887). Служил в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Командир лейб-гвардии Гусарского полка (1907–1913). Председатель Олимпийского комитета России (1912). Во время Февральской революции был арестован, содержался под арестом, но был выпущен. Летом 1918 г., под угрозой ареста большевиками, скрывался в психиатрической больнице, симулируя душевное расстройство. В сентябре 1918 г. бежал в Крым, оттуда через Румынию добрался до Финляндии. В конце жизни переехал в Швецию.

⁹⁴ *Долгоруков* Василий Александрович (1868–1918), князь, генерал-майор свиты Его Величества (1912), гофмаршал высочайшего двора. Окончил Пажеский корпус (1880). Во время войны находился при царе в Ставке. Один из самых близких Николаю II людей, добровольно отправился в ссылку с царской семьей. 30.04.1918 по приезде в Екатеринбург был арестован большевиками и 10 июля расстрелян.

⁹⁵ *Нилов* Константин Дмитриевич (1856–1919), русский адмирал (25.03.1912), флаг-капитан Его Императорского Величества (1905–1917), генерал-адъютант (1908). Окончил Морское училище (1875). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1890–1903 гг. адъютант великого князя Алексея Александровича. В 1903–1908 гг. командир Гвардейского экипажа. Одновременно в 1903–1905 гг. входил в ближайшее окружение Николая II, во время войны постоянно находился при нем. Был одним из наиболее приближенных к императору людей и сохранял его благожелательное отношение до конца, несмотря на то, что из-за его крайне отрицательного отношения к Распутину у него испортились отношения с императрицей Александрой Федоровной. После Октябрьской революции был арестован и расстрелян большевиками.

⁹⁶ *Дрентельн* Александр Александрович (1868–1925), полковник (1910), флигель-адъютант (1903), генерал-майор свиты Его Величества (1915). Штаб-офицер для поручений при Главной императорской квартире 1909–1915 г. В августе – ноябре 1915 г. начальник военно-походной канцелярии Его Величества. Командир лейб-гвардии Преображенского полка (1915–1917).

нение целого ряда лиц и притом виновных не в злоумышлении, а вследствие недостатков всей системы управления, от которой страдала Россия. Взамен этого мне пришлось играть цифрами и выкладками, чтобы доказать целесообразность выжидательного и осторожного образа действий, который являлся на самом деле результатом неподготовленности Черноморского флота к войне. Мне первый раз пришлось долго разговаривать с государем, и я был совершенно очарован его ласковым обращением.

После первого приезда государь стал навещать Ставку почти каждый месяц и иногда со всей семьей. Был построен специальный железнодорожный тупик для императорского поезда, вокруг которого разбиты дорожки и поставлены скамейки, так что получилось впечатление небольшого парка.

Каждое утро государь ходил на оперативный доклад в домик генерал-квартирмейстера, где постоянно работал черный Данилов. Доклад продолжался час, а иногда и более, и остающееся время до завтрака государь занимался делами у себя в вагоне. После завтрака, обыкновенно с двумя флигель-адъютантами,⁹⁷ государь отправлялся на автомобиле в дальнюю прогулку, останавливался где-нибудь в поле и гулял быстрым шагом часа два, причем его сопровождающие не чувствовали своих ног от усталости. Жара и холод не действовали на государя. Вообще он, несмотря на свою субтильную фигуру, был удивительно здоров и вынослив.

Вернувшись с прогулки, государь пил чай и занимался делами до обеда, после которого обыкновенно отдыхал, играя в домино со своими приближенными. В это время всякий этикет отбрасывался, можно было говорить что угодно, не касаясь службы и государственных дел, и вообще все старались, чтобы было весело.

Первые военные действия немцев в Балтийском море

Немцы открыли свои морские операции с началом военных действий против Ливавы. 2 августа перед Ливавой появились два крейсера, бомбардировали порт и поставили при входе в него минные заграждения.

17 августа к Рижскому заливу подошли значительные германские силы и поставили большое минное заграждение. О постановке минного заграждения посты службы связи немедленно донесли флоту, и на другой день посланные тральщики точно определили границы этого заграждения, причем при работах взорвались два тральщика.

18 августа немецкие крейсера появились вновь у поставленного ими накануне минного заграждения, и один легкий крейсер попытался помешать работе наших тральщиков. Наши охранные крейсера «Баян» и «Макаров» пробовали сблизиться с ним на боевую дистанцию, но это им не удалось, и завязавшийся бой окончился безрезультатной перестрелкой.

26 августа германский крейсер «Магдебург» выскочил ночью на риф у острова Оденсхольм. Пост службы связи, находившийся на острове, немедленно сообщил о происшествии начальнику службы связи, а тот в штаб флота, который распорядился выслать к Оденсхольму дивизион миноносцев и сообщить нашим крейсерам «Паллада» и «Богатырь», бывшим в дозоре у входа в Финский залив. Начальник службы связи контр-адмирал Непенин между тем сам решил с находившимися в его распоряжении миноносцами идти к Оденсхольму и запросил штаб флота, находившийся в Гельсингфорсе, о наших судах в Финском заливе, и почему-то получил ответ, что наших судов в заливе нет. Стоял густой туман, когда адмирал Непенин подошел к Оденсхольму, и только подойдя совсем близко, стал замечен немецкий крейсер, стоявший на мели, но вскоре обнаружились еще два силуэта больших кораблей, открывшие немедленно огонь по миноносцам. Адмирал решил атаковать их и приказал выпустить мину,

---

⁹⁷ Флигель-адъютант – звание офицера царской свиты, штаб- или обер-офицер, состоящий в должности адъютанта при императоре, им самим назначенный.

которая, по счастью, не достигла цели, так как это были наши крейсера «Паллада» и «Богатырь». Вскоре туман рассеялся, и мнимые противники узнали друг друга. Таким образом ложное сообщение штаба флота чуть было не привело к катастрофе.

На крейсере «Магдебург» были взяты в плен командир капитан 2-го ранга Хабенихт и шесть матросов. Еще три офицера и человек 50 матросов были сняты с острова Оденсхольм, куда они перебрались вплавь после обстрела наших крейсеров. Остальная команда спаслась на миноносце, сопровождавшем «Магдебург». Самой важной добычей была сигнальная книга, поднятая впоследствии нашими водолазами с морского дна у борта крейсера, которая оказала нам и нашим союзникам большие услуги впоследствии. К сожалению, «Магдебург» засел на мели так основательно, что попытки снять его с мели не удались.

2 и 8 сентября командующий Балтийским флотом адмирал фон Эссен выходил в море первый раз с крейсерами, а второй с линейными кораблями, но неприятеля не встретил и только одному миноносцу «Новик» удалось ночью атаковать неприятельский крейсер, но, к сожалению, мины в цель не попали.

10 октября наш флот постигло большое несчастье: крейсера «Баян» и «Паллада» возвращались из дозора, и миноносец «Новик» был послан им навстречу, чтобы их конвоировать от подводных лодок, но он еще не успел дойти до места встречи, как «Паллада» была взорвана и потонула почти моментально. По-видимому, от детонации взорвались патронные погреба, и крейсер раскололся на две части. «Баян», согласно инструкции в этих случаях, дал полный ход вперед и начал делать зигзаги, удаляясь от места взрыва, но «Новик» и еще два миноносца были у места катастрофы через четверть часа, но уже никого не нашли плавающих на поверхности моря. Причиной была, вероятно, холодная вода, а также и то, что никто не успел надеть пробкового пояса.

«Паллада» была бронированным крейсером в 7800 тонн водоизмещением, и на нем погибло свыше 600 человек офицеров и команды. Незадолго перед тем три английских крейсера также погибли одновременно от одной подводной лодки, знаменитой U29, а потому штабу флота можно было бы сделать упрек в недостатке осторожности, выразившейся в том, что большие суда постоянно держали дозор в определенном месте, не сопровождаемые миноносцами.

2 ноября к нам пришли гости – две английские подводные лодки, благополучно прошедшие малым Бельтом и обманувшие бдительность немецких судов, стороживших проливы. Третьей лодке не повезло. Она стала на мель и была взорвана своим экипажем, не будучи в состоянии сняться с мели своими средствами.

Прибытие подводных лодок было нам очень приятно, так как подводное плавание у нас сильно хромало. Причиной этому была страстная полемика, завязавшаяся вокруг вопроса о пользе подводных лодок в 1906 и 1907 годах, затормозившая развитие этого дела у нас. Из двенадцати строящихся подводных лодок к началу войны была готова только одна, а остальные вступали в строй очень медленно, и их личный состав обучался уже во время войны.

Вторичное наступление в Восточную Пруссию

17 сентября в командование Северо-Западным фронтом вступил генерал Рузский, умный, скорее кабинетный ученый, чем полевой вождь, он редко ошибался в своих решениях, а присущая ему осторожность была очень кстати при боях с немцами, где каждое лыко было в строку и каждая ошибка немедленно использовалась неприятелем.

26 и 27 сентября немцы дерзко атаковали Осовец и передовые укрепления перед Гродно. В этот раз они уже переборщили. Если бы не наша медлительность, то они дорого бы заплатили за свою дерзость. Генерал Рузский приказал перейти в общее наступление, так как вследствие прибывших подкреплений, образовавших новую 10-ю армию, мы были гораздо сильнее немцев. Надеялись, что 10-я армия, наступавшая на Лык, отрежет группу, нападавшую на Гродно,

но в Августовских лесах мы встретили сильное сопротивление, и немцы, быстро отступив от Гродно, не оставили нам ни одного трофея. Генерал Данилов, разговаривая со мною, сказал, что Августовские леса – это такая ловушка, в которой немцы могут попасться как курица в щи, и что мы там имеем большие преимущества, так как хорошо изучили этот район во время маневров, но на деле оказалось, что немцы знали местность лучше нас, так как ходили по таким местам, которые мы считали непроходимыми, и тем ставили нас нередко в трудное положение. Тем не менее, хотя и осторожный, но упорный наш нажим в конце концов сделал свое дело. Немцы стали отходить, постепенно очищая нашу территорию, и в половине октября мы уже снова были в Восточной Пруссии. Войска наши оправились морально после двух тяжелых поражений, и у них явился дорогой приобретенный боевой опыт. В Ставке также повеселели и снова начали поговаривать о скором окончании войны, тем более что уже в это время выяснился огромный расход снарядов в минувшие бои. Надвигалась грозная забота о недостатке боевых припасов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.